

ЮЛИЯ СОЗОНОВА

98,50

ДИТЯ ЗВЕРЯ:
ВЫБРАННОЙ ТРОПОЙ

Annotation

С детства меня учили, что для зверя нет ничего выше жизни. Что залог благополучия моей стаи в строгой иерархии и подчинении своему вожаку. Что моё слово для них - закон. И так было, пока один единственный случай не изменил всё.

Говорят, быть Патрой, быть вожаком среди нас – не просто статус. Патра – сила и опора стаи, её душа и жизнь. Согревающий огонь, без которого стая умрёт. Но что делать, если эта самая стая предала всё, во что ты верила?

И как выжить в нашем жестоком мире силы, когтей и клыков одинокой кошке и слепому котёнку?

-
- [Дитя Зверя: Выбранной тропой](#)
-

Дитя Зверя: Выбранной тропой Суфи (Юлия Созонова)

Глава 1

Я любила время заката с самого детства.

Сбегала из дома, по снегу или по траве. Мчалась сквозь густой лес, перепрыгивая через корни и ныряя под низко висящие ветки. И всё это для того, чтобы застыть в восхищении на самом краю высокого, скалистого утёса. Наблюдая широко распахнутыми глазами, как огромный солнечный шар медленно скрывается за тёмно-синей морской гладью и громко, восторженно мурлыча от этого вида.

Тихо хмыкнула, впиваясь выпущенными когтями в каменную крошку под ногами. Время неумолимо несло вперёд, я выросла и повзрослела, но...

Всё равно, каждый раз, вытирая слёзы от обиды, ваясь с лап от усталости, громко рыча от злости или радости, я возвращаюсь сюда. Чтобы, как и сейчас, смотреть за алым диском, неторопливо ползущим по небу, погружающимся в тёмное, почти чёрное море и разливающим по водной глади тёплое, оранжево-красное зарево.

Прикрыла глаза, шумно втягивая носом воздух. Раньше сидя здесь, на примятой траве, я чувствовала, как напряжение отпускает тело, как на душе становится легко и спокойно. Раньше, но не сейчас.

Сейчас внутри кипела горькая, едкая злость. Она разъедала изнутри, пропитывая своей отравой мысли и тело. И стучала в мыслях одним единственным словом, повторявшимся как пресловутая мантра.

«Ненавижу. Ненавижу... Ненавижу!»

Когти взрыхлили землю, заскрежетав по камням. Опёршись ладонями на прогретую солнцем землю, я наклонилась вперёд, бездумно скользя взглядом по пейзажу вокруг и болтая ногами над бездной внизу. Там из воды торчали острые, длинные скалы, а ленивые, крутые волны разбивались о камни веером колких, холодных брызг. И это ощущение опасности привычно щекотало нервы, вызывая приятную, мягкую дрожь вдоль позвоночника.

Передёрнув плечами, я вздохнула, подставляя лицо холодному ветру. Привычно смахнув с лица пару прядей волос. И всё-таки, интересно, где же я ошиблась? Что сделала не так? И почему моя собственная стая, моя семья так легко и просто предала всё, во что я верила?

Отвернулись тогда, когда были так нужны?

Тихо заворчала, невольно скаля вылезшие клыки, не желавшие помещаться в обычный, человеческий рот. Вопросы. Слишком много вопросов и ни одного хоть мало-мальски стоящего ответа. Правила стаи не приемлют убийство невиновных, а отступать от древних законов не позволено никому. Это то, чему меня учили, это то, во что я верила всю свою жизнь. И всё равно.

Всё равно было больно от того, как все привычные, знакомые с детства устои повернулись против меня. Так, что сердце сжималось тисками, а к горлу подступал тугой, горячий ком. Громко шмыгнув носом, я быстро стёрла злые слёзы, бегущие по щекам.

Наверное, всё могло быть проще, по-другому. Только вот мне не повезло, потому что я – Патра. Даже смешно, ведь в стае у меня туева куча обязанностей и...

Почти полное отсутствие прав. Я – суть стаи, я её вера и её огонь, позволивший нам выжить и влиться в современный мир. Но я ещё и миф, слишком древний, чтобы оказаться правдой. Слишком легендарная, чтобы в неё верить. И только животный, инстинктивный страх неизвестности, не позволил когда-то моим соплеменникам отказаться от меня и связывающих нас уз.

Тихо, печально рассмеялась, выпрямившись и покачав головой. Да уж, столетия назад моим соплеменникам не хватило духу отказаться от привычных устоев и обрядов. Зато сейчас они воспользовались первым удобным случаем, чтобы поднять самый настоящий бунт. Вот только...

Они не видели то, что видела я. Не видели и не ощущали!

Зло, рассерженно рыкнула, чувствуя вибрацию в груди. И не заметила, как запястья коснулся холодный, влажный нос. Губы против воли сами растянулись в слабой, устало, но нежной улыбке. А весь гнев, вся ненависть и злость схлынула, не оставив после себя и следа.

Повернув голову, я посмотрела на крупного котёнка пантеры, с деформированной задней лапой. Хромой, с бесцветными, затянутыми

белёсой плёнкой слепыми глазами, он упорно скрёб моё бедро передними лапами. И громко урчал, потираясь лобастой головой о мою руку. Словно знал, что нас обоих ждут крупные, неизбежные перемены и пытался хоть так меня поддержать.

- Это будет не просто, малыш, - осторожно затащив его на колени, я прижала к себе дрожащее тело. Смешно фыркнув от прикосновения шершавого языка к внутренней стороне ладони и сладко жмурясь, уткнувшись носом в холку зверя.

Котёнок пах невообразимо. Молоком, а не чистым, мускусом взрослого кота. Домом и крепкой, какой-то болезненной привязанностью. Ощущая которую я физически чувствовала, как в душе расцветала нежность и жуткое, непреодолимое желание оберегать и защищать это чудо.

Как Патра и вожак, я всегда относилась к детёнышам по-особенному, на голых инстинктах ставя их выше всех остальных и даже выше самой себя. И не представляла, что может быть как-то иначе.

Что ж, я глубоко заблуждалась, равняя всех остальных по себе.

Глава 2

Котёнок снова ткнулся носом мне в ладонь, отвлекая, заставляя вынырнуть из марева тяжёлых мыслей. И, пройдясь шершавым, тёплым языком по пальцам, громко замурлыкал, начав мять меня лапами. Неуклюже, сбиваясь с ритма, цепляясь острыми когтями за ткань старых, потёртых джинсов. Но так искренне, так...

Непосредственно, что я не смогла сдержать улыбки. И, подхватив его под лапы, вытянулась на земле во весь рост, прижимая малыша к своему боку. Щурясь от последних лучей закатного солнца и глядя, как постепенно темнеет небо над головой. Как вспыхивают то тут, то там вкрапление пока ещё едва различимых, тусклых звёзд. Никак не желавших складываться в знакомые созвездия.

- Знаешь, малыш, - тихо шепнула, прижавшись губами к круглому, пушистому уху котёнка, - когда-то мама учила меня, что звёзды – это души предков, пожелавшие присматривать за нами даже после смерти. И я верила, что мудрые воины прошлого всегда помогут нам, направят нас по лучшему пути, - горько усмехнулась, закусив губу. Не замечая, как ранят кожу острые клыки. – Глупо, знаю. Ведь звёзды – это всего

лишь холодные, безразличные планеты и им всё равно, что будет дальше и как. Всё равно, малыш...

Приближающиеся шаги я услышала ещё до того, как они оказались поблизости. Обострённый звериной сущностью слух легко различил их среди привычных, суетливых звуков засыпающего леса вокруг. Да гость и не прятался, специально шагая так, чтобы наступать на громко хрустевшие ветки. Пиная попадавшие ему на пути мелкие камешки и шишки.

Я фыркнула, зарываясь пальцами в густую шерсть на загривке котёнка. Удивительно благоразумно, как для простого человека. Но Сэм О'Рурк, егерь и хранитель местного заповедника, слишком хорошо знал, на что способен верзверь. И не испытывал ни малейшего желания лишний раз подставляться под когти и клыки.

Прикрыла глаза, втянув носом воздух, вслушиваясь в окружающие звуки. Да, точно он. Походка неровная, хромает на правую ногу. Дня два назад вытаскивал лису, угодившую в ловушку браконьеров, а эта дурында хвостатая, вместо того чтобы просто сбежать, прокусила ногу своему спасителю.

А ещё старого знакомого с головой выдавал запах. Горький, лесной, с нотками дыма от костра и сырости холодного, горного родника. Мужчина пах домом, диким, своеобразным уютом и надёжностью. И едой. Тёплым, свежим молоком, травяным чаем, хлебом и вяленым мясом.

Сэм О'Рурк не был связан обязательствами ни со мной, ни с моей стаей. Но именно он, простой человек, протянул мне руку помощи, не смотря, ни на что.

- Земля холодная, простынешь ведь, Редж, - мягкий, низкий голос прозвучал в паре шагов от меня. Не поворачивая голову, я насмешливо фыркнула и махнула рукой, приглашая сесть рядом со мной. — Я серьёзно, Редж.

- И я, - открыв глаза, я покосилась на мужчину, так и не сделавшего попытки приблизиться.

С точки зрения верзверя он был обычным, слабым человеком. И это было забавно, потому как О'Рурк был темноволосым, широкоплечим мужиком под два метра ростом. Он обладал крепким телосложением, не чурался драк и алкоголя и обладал той самой, негибаемой, железной волей, когда-то позволившей его семье

отстоять своё право на эти земли. Вставать на пути того «чёртового ирландца» решались далеко не все. А те, кто решался...

Что ж, мир праху этих неразумных кутят.

Тем временем Сэм продолжал стоять на облюбованном им месте. Холодный ветер трепал тёмные, вьющиеся пряди, забираясь под полы простой, клетчатой рубашки. Вздохнув, я всё же села прямо и, смахнув с волос прилипшие травинки, снова похлопала по примятой траве рядом с собой:

- Садись, Сэм. Мне простыть не грозит, да и одни раз никому ещё не повредил. Лучше показывай, с чем пришёл к двум голодным кошкам. И даже не пытайся нас обмануть. Это, - тут я указала пальцем на свой нос, под смешное фырканье котёнка, разлёгшегося рядом, - ещё ни разу меня не подводило!

Недовольно цокнув языком, мужчина прищурился, окинув нас внимательным, тёмным взглядом. И, кивнув собственным мыслям, устроился рядом. Мимоходом почесав за ухом притихшего, недоверчиво замершего на месте зверёныша. Тот тихо ощерился, беззвучно шипя на незнакомца, но нападать не спешил.

Только прижался ко мне поближе, невольно прося поддержки у сильного, взрослого сородича. Успокоившись только тогда, когда я тихо, едва слышно уркнула, укутывая малыша в своём запахе, наполненном уверенностью и спокойствием.

- Ты ведь знаешь, что я вам не враг, - устало протянул О'Рурк, ставя мне на колени небольшую плетёную корзину со съестными припасами. Зарывшись пальцами в волосы, он невесело усмехнулся, наблюдая за тем, как я роюсь в еде.

- Знаю, - коротко кивнув головой, я вылезшими когтями располосовала кусок сырой говядины. Подковырнула крышку на бутылке с молоком и принялась. После чего налила немного в пустой контейнер из-под бутербродов, сунув то всё под нос все ещё шипевшему время от времени котёнку.

- Тогда почему...

- Я знаю, Сэм. Он – нет, - пожав плечами так, словно это было что-то само собой разумеющееся, я откусила большой кусок бутерброда. Тут же запивая его чаем и вопросительно глядя на друга.

Сэм вздохнул и недовольно поджал губы, отвечая на так и не заданный вопрос:

- Да, я дозвонился. И да, они дали согласие на встречу. Сказали, что для решения этого вопрос придет некий... М-м-м... Кажется, это переводится как дядя Миша, но я не уверен. Скандинавские диалекты мне никогда не давались. Он будет вечером.

- Хорошо, - чуть помедлив, я кивнула головой, доедая второй бутерброд. – Быстро, конечно, но... Тем лучше. У меня нет никакого желания тянуть и дальше со всем... Этим.

Неопределённо махнула рукой, не став договаривать мысль. Повисшее над поляной молчание нарушало лишь довольное ворчание котёнка, лопавшего свою порцию свежего, вкусного мяса. И глядя на него, я самую малость завидовала тому, что он всё же ещё такой ребёнок...

Много переживший, много повидавший, но всё-таки ребёнок. Которому нет никакой нужды принимать сложные, трудные решения.

Глава 3

- Скажи честно, Редж, - наконец, подал голос О'Рурк, задумчиво уставившись на собственные руки. Широкие, мозолистые ладони и сбитые в частых драках костяшки. Прошёлся кончиком пальца по шраму-полумесяцу у основания большого пальца и всё же поднял голову, серьёзно и внимательно глядя прямо мне в глаза. – Это твоя стая. Твоя семья. Те, кто когда-то верил тебе собственную жизнь. Ты... Уверена в том, что хочешь сделать?

- Подло играешь, Сэм, - криво усмехнувшись, я облизала пальцы и положила руку на загривок задремавшего малыша. Провела когтями по мягкой, ещё не потемневшей до благородного, иссиня-чёрного цвета шёрстке. Зверь внутри меня протяжно, тоскливо мяукнул, а перед глазами...

Перед глазами всплывали картинки счастливой, спокойной жизни. Ощущения мира, счастья и дома. Знакомые и такие родные до самой последней чёрточки лица. Запахи, забивавшие нос, изученные до самого последнего оттенка и тонкие нити стайной связи, пронизывающие каждого из нас. Веселье, разделённое на всех, и горе, разделённое всеми. Я жила этим всю свою жизнь, я не знала другого. И я отчаянно боялась это потерять, до последнего цепляясь когтями за привычную и такую знакомую жизнь.

Подняв свободную руку, коснулась когтями тонких шрамов на собственном горле. Горько понимать сейчас, что цеплялась я за то,

чего нет. Что всё, во что я верила – такой же чёртов миф, как я сама.

- Меня учили, что стая – всё для меня, а я – всё для стаи, - котёнок беспокойно завожился под моей рукой, и я вынырнула из мыслей, тихо и успокаивающе заурчав, глядя его по голове. – Что дети – самое ценное, что есть у нас. А теперь эта самая стая требует от меня ответа. За то, что я поступила так, как меня учили. И да, Сэм. Я уверена в том, что хочу сделать и как.

- И ты...

- Сэм, - оборвав друга на полуслове, я перетасила котёнка на колени. Интуитивно ища поддержку и опору в собственном сородиче, пусть тот был ещё совсем ребёнком. Чувствуя, как натягиваются и вибрируют узлы между нами. – При всём моём уважении к тебе... Ты человек. И ты видел лишь то, что тебе хотели показать. Они поставили под сомнение мою силу, мою волю. Они открыто заявили о том, что я слабый, неполноценный зверь. И никудышный вожак, не способный выбрать для стаи лучший путь. Что ж... - мои губы растянула злая, циничная улыбка, а в груди зародилось первые ноты колючего, злого рыка. Тут же сошедшего на нет, стоило мелкому дёрнуть задней лапой во сне. – Это их выбор. В конце концов, кто я такая, чтобы останавливать их?

Мы снова замолчали. Наверное, ему было, что мне сказать, а мне нашлось бы, что ему ответить. Но по негласной традиции, появившейся ещё в первые годы знакомства, мы оставляли друг за другом право на собственное мнение. На ошибки и их последствия.

Неслыханная роскошь, которой меня обделили в собственной стае.

- И что теперь? – О'Рурк поскрёб пальцами заросший щетиной подбородок. – Что будешь делать дальше? После всего?

- Жить, - вновь покосившись на мужчину, я вздохнула. И прислонилась лбом к его крепкому, тёплому плечу. Сжимая пальцы в кулаки, закусив губу до крови и борясь с инстинктивным желанием отшатнуться назад и смыть, слизать чужой запах с собственной кожи.

Да, мы с Сэмом были знакомы давно, почти с детства. Пожалуй, я знала его лучше и дольше, чем кого-то ещё из людей, вовлечённых в дела стаи или просто живущих на границе наших земель. Но инстинкты были сильнее. И чтобы прикоснуться к кому-то чужому я

каждый раз наступала на горло собственному зверю, давя все хищные порывы и зверское желание вылизать шерсть, смывая чужой запах.

- Прости, что втянула тебя в это, - глухо рыкнула сквозь вылезшие клыки и потерлась щекой о плотную ткань рубашки.

- Балда ты, Редж, - тихо хмыкнув, Сэм провёл ладонью над моими волосами. Обозначая, но не прикасаясь. – Я уже в этом по самые уши. С того момента, как узнал о том, что за милые зверушки охотятся в этом заповеднике. Пойдём, стемнело уже.

О'Рурк встал и легко вздёрнул меня на ноги следом. Я только и успела, что перехватить поудобнее котёнка и недовольно заворчать в ответ на такое нетактичное обращение со стороны мужчины. Но тот лишь хмыкнул и, сунув руки в карманы, направился к едва видимой в сумерках тропке среди могучих деревьев.

Где-то там был его дом, расположенный почти в самом центре леса. Сэм, как и самый настоящий верзверь, ценил свободу и личное пространство. А ещё он не задавал лишних вопросов. И когда два дня назад я, усталая и разбитая, раненная и слабая оказалась на его пороге с больным ребёнком на руках, он ничего не сказал.

Только отошёл в сторону, пропуская в жарко натопленный дом, безмолвно предлагая приют, еду и защиту. Не думая о том, чем ему это может аукнуться.

Глава 4

Узкая тропа петляла среди могучих, исполинских деревьев. Тонкие ветки кустов цеплялись на одежду, оставляли мокрые следы на потёртой ткани джинсов. Прижимая к груди мирно дремавшего котёнка, я невесомо переступала через узловатые, толстые корни, бесшумно скользя по примятой траве и усыпанной жёлтой хвоей земле.

И всё равно иногда замирала на месте, чутко прислушиваясь к окружающему пространству. Заповедник вокруг был живым. Он дышал, шелестя верхушками деревьев, гнувшихся под порывами сильного ветра. Звенел ударами капель воды по камням в горном ручье. Ворочался тихим, недовольным уханьем совы где-то там, на севере и скрёбся мелкими грызунами на западе.

Тонкий, едва уловимый вой с востока вызвал невольную гримасу. Да, я была частично человеком, вот только звериная часть моей натуры

псовых терпеть не могла. И хорошо если я научилась просто терпеть неизбежное сосуществование в пределах одного города или штата.

Недовольно заворчав, я обогнула ещё одно переплетение корней величественной, старой ели и шагнула следом за Сэмом на мелкий гравий подъездной дороги к дому егеря. Высокий, двухэтажный, полностью деревянный дом насквозь пропитался запахом своего владельца. Ещё самую малость дымом, бензином и тонкой ноткой свежего мяса.

Заметив, что я принохиваюсь, невольно подаваясь вперёд и скаля клыки, О'Рурк усмехнулся:

- Олень. Парочка идиотов на отцовском джипе решили, что смогут покорить горные дороги. Лобовуха в крошево, капот в дребезги, сами отделались испугом. Шериф забрал их с собой, оформлять протокол.

Я глухо, презрительно фыркнула, поднимаясь на крыльцо с широкой, открытой верандой, уходившей на другую сторону дома. И, дождавшись, пока Сэм откроет передо мной дверь, шагнула через порог. С головой погружаясь в горячую, уютную атмосферу чужого логова.

Большая, просторная комната совмещала в себе и зал, и столовую и кухню, отделённую от основной части помещения огромным, массивным столом. Не смотря на то, что на улице царила весна, плавно перетекающая в лето, яркое пламя жадно лизало поленья в массивном камине, выложенном грубо обработанными камнями. И это придавало жилищу мужчины определённую, дикую нотку...

А зверя во мне довольно щуриться и тихо, ни разу не мелодично мурчать. Такое логово казалось родным, привычным. Почти своим.

Стянув кеды с ног за задники, я бесшумно прошла до лестницы, ведущей на второй этаж, и поднялась в небольшую, но уютную спальню, оставленную Сэмом на случай визита кого-то из друзей. В ней почти не было мебели, кроме низкой, односпальной кровати, застеленной цветастым, лоскутным пледом.

Встав перед ней на колени, я осторожно разжала пальцы, укладывая сонно причмокнувшего губами котёнка на кровать. Тот снова дёрнул задними лапами и...

Плавное, почти незаметное перетёк из звериного обличия в человеческое. Чтобы тут же, повернувшись на живот, подмять под себя всю подушку. Светлые волосы чуть пушились на затылке, а по-детски

пухлые щёки согревал яркий румянец. Пальцы нежно, почти невесомо очертили линию скул, прошлись вдоль старых, белёсых шрамов на плечах, скользнули по выступающим рёбрам на излишне худом теле. Ему было почти семь, а выглядел он на пять, если не младше.

Инстинкты вскипели, требуя вернуться и закончить то, что я начала. Выдрать глотку тому, кто посмел издеваться над собственным ребёнком. Раздробить грудную клетку и добраться до судорожно бьющегося, ещё предательски живого сердца. Вот только будь я хоть патра, хоть трижды вожак, справиться со всей стаей мне всё же не по плечу. Да и зачем?

Дети выше всего. Теперь этот малыш – мой, чтобы не рычал его отец-ублюдок, оставленный мною с переломанными лапами и разодранной моими клыками шеей. Чтобы не твердила моя собственная стая, вставшая на его сторону. И его благо для меня значит больше, чем глупая, никому не нужная месть. К тому же...

Губы растянула злая улыбка. Укрыв малыша одеялом, я выскользнула из комнаты, погасив за собой ночник. Если моя стая считает, что справиться без меня, что я – миф, что ж, так тому и быть. Совет Стай не сможет не рассмотреть моё прошение и не сможет мне отказать.

Спускаясь обратно в гостиную, я специально шумела, предупреждая загодя о собственном появлении. Но Сэм даже не вздрогнул, когда отвлекшись на мгновение, я забылась и бесшумно скользнула к нему, ловя опасно накренившийся заварочный чайник до того, как он упадёт.

- Спасибо, - махнув рукой, он поставил чайник и кружки на стол, развалившись на одном из стульев и разливая ароматный, пряно пахнущий травяной настой. – Садись. Я так понимаю, выспаться нам сегодня не грозит?

Я повела носом, принюхиваясь. Турецкая мята, листья лимонника и ежевики. И что-то ещё, кажется то ли душица, то ли чабрец. Интересное сочетание.

- Не грозит, - чуть помедлив, я всё же уселась на второй стул, обхватывая руками обжигающе горячую кружку и делая первый, шумный глоток. Один из плюсов быть оборотнем – не бояться о том, что можешь обжечься. Регенерация восстановит всё до того, как ты это почувствуешь.

И тихо, устало спросила, наткнувшись на свежие следы когтей и вмятины на стене возле входа:

- Кто?

- Кажется, у вас это называется бета... - неопределённо хмыкнул Сэм, сощурившись и закинув ноги в тяжёлых, армейских ботинках на стол. Машинально потеряв плечо, он поморщился. – И манеры он оставил в другой шкуре, не иначе. Как и мозги. Серьёзно, Редж, у вас есть хоть какие-то критерии отбора или на такие места берут любого, кто захочет?

- Сила, ирландец. Сила зверя. Вот основное наше мерило, знаешь ведь, - я фыркнула, покачав головой. В голове крутилась пара вопросов, которые я хотела бы озвучить, но звук подъезжающей машины, ударивший по острому, нечеловеческому слуху заставил меня поморщиться.

Напряжённо застыв, сжимая в пальцах кружку и слыша, как жалобно трещит под моей рукой бедная керамика. Правда, едва ли я обратила на это внимание, напряжённо следя за входной дверью, готовая до последнего защищать и себя и мелкого от любого, кто попыбует вторгнуться в этот дом.

Глава 5

Звук двигателя всё приближался, став почти оглушающим. Я невольно вжала голову в плечи, борясь с желанием закрыть уши руками. И тряхнула головой, пытаюсь отделаться от вязкой, липкой тишины, навалившейся следом. Скручивая внутренности узлом неизвестности и страха.

Шумно втянув воздух сквозь стиснутые зубы, я сжала кружку сильнее, не обращая внимания на чай, просачивающийся сквозь сетку трещин на керамике. В нос ударил резкий, сильный, яркий запах зверя. Чистый, без единой примеси, без парфюма и приторных искусственных отдушек, он тяжёлым шлейфом укутывал своего обладателя. Того, кто легко и непринуждённо прошёл по подъездной дороге и теперь поднимался по лестнице. Даже не думая скрываться или таиться от обитателей этого дома.

Прикрыла глаза, невольно облизнув пересохшие губы. И поднялась, взмахом руки остановив подорвавшегося следом ирландца. Чтобы в следующий миг, в пару скользящих движений, даже не думая

прятать своего зверя, оказаться около двери. Открывая её до того, как припозднившийся гость догадается постучаться.

Наверное, стоило бы спросить кто там. И не рваться грудью на амбразуру, даже если все инстинкты вставали на дыбы, требуя защищать до последнего малыша и это временное логово. Наверное, мне стоило в кои-то веки за последнее время проявить хотя бы каплю благоразумия и вспомнить, чему же меня всё-таки учили.

Тихо хмыкнула, открывая дверь и бестрепетно встречая хищный, тёмный взгляд. Гордо задирая подбородок и скаля вылезшие клыки. Наверное, мне так и следовало поступить. Но на этих землях не было других верзверей, кроме пантер и кугуаров, чья община была слишком мала, чтобы бороться за свою собственную территорию.

Особенно вермедведей. Особенно таких вот: крупных, холёных, открыто демонстрировавших свою силу и привычку подавлять ею всех несогласных. Если бы этот верзвезь захотел на меня напасть, я не смогла бы даже «мяу» сказать. Но...

Удивлённо распахнув глаза, я гулко сглотнула, уставившись на гостя. Тот, сделав шаг назад, почтительно улыбнулся, протягивая мне руку. Простую, человеческую руку. Без единого следа трансформации или хотя бы намёка на неё, открытой ладонью вверх. Оказывая мне высшую степень доверия, подставляя себя под удар и демонстрируя самые мирные намерения из всех возможных.

- Пусть ваш путь будет лёгким, а Охота удачной, Патра, - мягкий, басовитый голос низким рокотом пробрался под кожу. Вздвогнув, я нахмурилась и окинула долгим взглядом этого... Мишку.

Он был высок, с широкими плечами и бугрившимися под тонкой, кожаной курткой мышцами. Короткие, взлохмаченные светлые волосы чуть вились на концах и смягчали резкие черты лица, предавая мужчине какой-то несерьёзный вид. Только вот обманываться им не стоило, совершенно. О чём недвусмысленно говорил цепкий, холодный взгляд тёмно-синих глаз.

Гость не вёлся ни на мой обманчиво хрупкий вид, ни на мой юный возраст. Проведя пальцем по тяжёлой, квадратной челюсти, он с намёком поднял бровь, ожидая ответа.

- Лёгкого пути и удачной Охоты... - я глубоко вздохнула и протянула руку и прижалась раскрытой ладонью к чужой ладони. Сильные пальцы сжали её стальной хваткой, не причиняя боли.

- Совет благодарит вас, что вы не стали принимать поспешных решений, - медведь едва заметно повернул руку, демонстрируя небольшую татуировку на запястье. Рунный круг и клык.

Ансуз. Гебо. Эйваз. Знание. Партнёрство. Защита. Право на использование рун имел лишь Совет, но трактовку знал каждый верзверь, с молодых когтей впитывающий в себя их многоликое и непостоянное значение. Чтобы когда-нибудь, вот так, понять сразу, можешь ты довериться или нет.

Можешь ли ты получить помощь от незнакомого зверя или он принесёт тебе только смерть.

Колени дрогнули, только чудом не подогнувшись от облегчения. И я выдохнула, почти физически ощущая, как успокаивается зверь в груди и уходит сковавшее меня напряжение:

- Я рада, что Совет воспринял мои слова всерьёз и... Пришёл помочь мне в этом деле. Мой дом – ваш дом, прошу... Разделите со мною наш поздний ужин, уважаемый...

- Михаил, - хмыкнув, гость шагнул через порог, сразу заняв собою всё свободное пространство. Он смешно сморщил нос и склонил голову набок, к чему-то прислушиваясь и приняхиваясь. А после выдал, неожиданно умоляюще. – А не найдётся у вас капелька мёда? Самую малость, а? Для уставшего путника только с дороги?

Он встряхнулся, всем телом. Переступая с ноги на ногу, глядя на меня просящее и шумно вздыхая. Разом растеряв всю свою серьёзность и пугающий вид, напоминая маленького, непутёвого медвежонка, выпрашивающего у взрослых свою законную порцию лакомства.

Глядя на него такого, я не могла не улыбнуться в ответ, бесстрашно повернувшись к нему беззащитной спиной. Теперь уже точно зная, что никто не собирается отнимать у меня ребёнка или нападать на меня. И...

Кажется, у Сэма где-то был цветочный мёд. Мой нос не мог меня так обмануть.

Глава 6

Мёд был густой, тягучий. Тёплого, янтарного цвета с вкраплениями тёмных кусочков самых настоящих сот. А пах он просто умопомрачительно, так, что рот сам собой наполнялся слюной: колючей хвоей, терпкими полевыми цветами и...

Молоком. Мягким, нежным, родным. Таким притягательным, что, не выдержав, я сглотнула вязкую слюну, сунув свой любопытный нос прямо в банку. Забравшись туда рукой, пачкая пальцы в липкой, пахучей сладости. И вытянув их, шумно принюхалась, поднося руку к лицу и не обращая внимания, как крупные, золотистые капли падают на стол.

- Редж... - начал, было, Сэм, протягивая руки к банке с мёдом.

Но услышав тихое, глухое ворчание только вздохнул, поднимая руки в примирительном жесте:

- Ладно, большая, злая киса. Но потом не говори, что я тебя не предупреждал!

- Тш-ш-ш... - Михаил, сидевший рядом со мной, подмигнул ирландцу, пряча улыбку в огромной бадье с чаем. Назвать эту ёмкость кружкой у меня язык не поворачивался.

Я подозрительно покосилась на сородича. Но любопытство и манящий аромат молока были сильнее. И, высунув язык, я широко, размашисто лизнула собственные пальцы, собирая с них карамельные капли мёда.

Чтобы тут же выпучить глаза, глядя на друга как на предателя и рвануть в сторону раковины. Где, включив воду, принялась громко булькать, пытаясь смыть с языка этот странный, дикий, раздражающий привкус. Фу, мерзость! И как люли это едят?!

- Я не хотел это говорить, но... - О'Рурк в ответ на мой обиженный и укоризненный взгляд, улыбнулся и развёл руками. — Любопытство сгубило кошку, Редж. Даже такую большую и злую!

- Иди ты... - буркнула, вытирая рукавом кофты рот. И брезгливо тряхнула рукой, наткнувшись взглядом на злополучную банку. — Гадость.

- Кошки не любят сладости? — в глазах Михаила играло веселье и неподдельное любопытство. Он вообще, усевшись за стол и получив крепкого, наваристого чая с порцией этого «мьода», перестал казаться таким уж пугающим, как вначале.

И теперь смотрел на меня как родитель на своего непутёвого кутёнка. Добродушно так, снисходительно. Одно что за этой мягкостью прятался свирепый хищник и опасный противник, способный сломать мне хребет одним движением лапы.

- Это не сладость! – возмущённо вскинувшись, я рассерженно зашипела, тыча пальцем с вылезшим наружу когтем в сторону злополучной банки. – Это... Это... Как вы это можете есть?!

- Вкусно, - хмыкнув, Михаил зачерпнул ложкой огромную порцию мёда и отправил его в рот, аж прижмурился от удовольствия. Запил глотком чая, удовлетворённо вздыхая и отставил кружку в сторону, поддёрнув рукава светлой рубашки до локтя.

Его взгляд, ещё минуту назад благодушный и умиротворённый, неуловимо изменился, став жёстким и требовательным. Я застыла, чувствуя, как бурлит под самой кожей зверь, силой воли удерживая оборот. И устало вздохнула, опираясь задом на кухонный гарнитур.

Взлохматив волосы на затылке, я едва слышно выдавила, ухватившись пальцами за край раковины:

- Шутки кончились, да?

- Да, - просто откликнулся медведь, поведя головой. Задумчиво потерев подбородок, Михаил низким, вибрирующим голосом заговорил. – Совет услышал вашу просьбу, Реджина. Но также обязал меня удостовериться в том, что ваши... Скажем так – претензии, обоснованы.

- А что, похоже, что она может врать? – Сэм вскинул брови, демонстративно расслабленно развалившись на стуле.

Я тихо хмыкнула, коротко улыбнувшись другу. Знай я его чуть меньше, подумала бы, что ирландцу на меня наплевать. Но я знала Сэма давно, да. Очень давно. И видела, как за наигранной ленью и показным спокойствием прячется напряжение, способное перерасти в действие в любой момент. Готовность броситься на противника, даже зная заранее, что этот бой обречён.

- Не надо, - всё же оттолкнувшись от раковины, я медленно подошла к мужчине и положила руку ему на плечо. Сжав пальцы, не сильно, но ощутимо. Тут же отпуская друга и замирая по правую руку от него, глядя на Михаила через всю ширину стола. – Всё хорошо, Сэм. И... Если вы настаиваете, Михаил, я скажу вам, почему приняла такое решение.

- Я внимательно вас слушаю... Патра, - я вскинулась на это имя-прозвище, негласный титул, прозвучавший так непривычно уважительно из уст чужака.

Горько улыбнувшись, я качнула головой в такт собственных мыслей и...

Заговорила.

Глава 7

Два дня назад...

Наверное, у каждого однажды наступал такой момент, когда ты стоишь на перепутье и не знаешь, что выбрать, какой дорогой тебе идти. Как растерянный, слепой кутёнок, ты тычешься в каждый угол, переминаешься на неуклюжих лапах и ждёшь. Отчаянно ждёшь, что найдётся тот, кто укажет верный путь.

Тот, кто подскажет, что же тебе выбрать. Возьмёт всю ответственность на себя. Кризис личности и самоопределения, так, кажется, это называется у людей?

Вздыхнув, я устало сощурилась, откинувшись на шершавый ствол старой, разлапистой ели. Медленно вдохнула густой, смоляной аромат, пропитанный всеми оттенками запах свежей хвои и тёплого, затяжного дождя. Чуть подрагивающие пальцы проворно, пусть и медленно, крутанули в руке старый нож с узким, грубо заточенным лезвием.

И с размаху вонзили в мягкий, чуть влажный мох. Всполюшив придремавшую белку, развалившуюся на низко висящей ветке прямо над моей головой. Грозно заверещав, хвостатая взметнулась по стволу вверх, раздражённо дёргая длинным, тонким, пушистым хвостом.

Когти вспороли землю, оставляя глубокие следы на всё том же мхе. Подавив инстинктивный порыв броситься на ускользающей, вёрткой добычей, я закрыла глаза, машинально скользя кончиками пальцев по небольшой, неаккуратно стёсанной фигурке в пальцах левой руки. Гротескное изображение пантеры скалилось в ответ, встав на дыбы и по смешному заваливалось вперёд, не имея нормальной опоры.

Невесело хмыкнула. Сейчас я была такой же, как она. Смешной, гротескной, неуклюжей... Глупой. Отчаянно цеплявшейся за крохи тех знаний, той уверенности в собственном праве, что у меня ещё остались. Бессмысленно, знаю. Но...

Надежда умирает последней, ведь так?

Мотнула головой, выпрямившись. И, согнув левую ногу, подтянула колено к груди, пристроив на нём подбородок. Где-то там тонко пел горный ручей, чуть в стороне мелкая стая кроликов

пряталось по норкам, гулко и быстро стуча своими хрупкими сердечками. От них пахло травой и свежим, вкусным мясом. Только вот выковыривать их из-под земли не было ни сил, ни желания. Так что...

Хмыкнув, я одним плавным, слитным движением поднялась с земли, прихватив воткнутой в землю нож. И неторопливо, нехотя зашагала по едва различимой в подступающих сумерках тропинке в сторону облюбованной нами резервации.

Она была небольшой, по меркам большинства верзверей. Десятка три жилых домов, номинальная администрация, школа, шериф и его подчинённые, несколько магазинчиков и почтовое отделение. Всё это пряталось в северной части огромного национального заповедника «Рудфорт» и добраться сюда можно было либо по грунтовой дороге, либо на вертолёте, либо сквозь лес.

Засунув руки в карман, я подавила предательскую дрожь от звука чужого рычания за спиной. Я не должна была бояться собственной стаи, не должна была чувствовать себя чужой среди своих. Но почему-то от звука мягкой поступи больших, сильных лап, от ощущения чужого дыхания и глухого, рваного рыка, на загривке шерсть вставала дыбом, а клыки не помещались во рту. И чем дальше, тем больше я понимала, что дело не в этом пресловутом кризисе, нет.

Совершенно точно нет.

Подавив взбунтовавшиеся инстинкты, я, наконец-то, перешагнула невидимую границу резервации. Тут же охнув от ощущения общности, от натянувшихся линий связи, пронизывающей любого члена стаи, от мала до велика. Я слышала, как бьётся каждое сердце, видела их глазами, чувствовала всё, что чувствовали они. Я дышала с ними, любила и ненавидела, злилась и боялась, плакала и радовалась. Я...

Я была стаей, стая была мной. И это чувство единения, такое редкое, такое священное, вытеснило все глупые мысли и сомнения, смыв накопившееся раздражение и неуверенность. Посмеявшись над собственными сомнениями и размышлениями, я уже куда увереннее зашагала в сторону своего дома, кивая в ответ на приветствие сородичей и улыбаясь в ответ на их улыбки.

Не замечая, как они сменяются гримасой за моей спиной. Не слыша недовольного порывивания, ропота. Основа любой стаи — доверие, и я спокойно поворачивалась к соплеменникам спиной. Не

допуская даже мысли о том, чего мне может стоить такая безрассудная, слепая вера.

Тут же забыв обо всех сомнениях, стоило сесть за старый, добротный дубовый стол в кабинете, в собственном доме и погрузиться в привычную рутинную работу. Какими бы сильными, ловкими, дикими не были мы, верзвери, это не освобождало нас от налогов, учёбы, работы и прочих прелестей обычной, скучной, человеческой жизни.

Из цепких лап людской бюрократии я выпала внезапно и резко. Вот только что расслабленно раскинулась в кресле, вчитываясь в сухие строчки договоров на поставку оленьих шкур, а вот уже застыла в нелепой позе, пробив вылезшими когтями толстенную кипу бумаг. Вдоль позвоночника электрическим разрядом прошла дрожь, затем ещё одна и ещё...

И вот уже я с трудом сдерживаю полный оборот, до крови кусая отросшими клыками губы, оставляя на столешнице глубокие следы от когтей и яркие, алые пятна. Глухо, раскатисто рыкнув, стискивая зубы, я отчаянно пытаюсь взять себя в руки, успокоить вставшие на дыбы инстинкты, звавшие меня непонятно куда и неизвестно зачем. А когда всё же смогла, медленно поднялась из-за стола и опёрлась руками на вконец испорченные бумаги. Тяжело дыша, глотая вязкую, отдающую металлическим привкусом слюну.

Гадая, что могло настолько выбить меня из колеи, разметав в клочья привычную сдержанность и вбитый с младых когтей самоконтроль. Или кто?

Закрыв глаза, я прислушалась к себе и царившему вокруг привычному гомону. Стая была спокойна, стая не чувствовала опасности и откровенно, насмешливо так недоумевала, почему их мудрый вожак так не сдержан. Мягко говоря, да. И поддавшись их настрою, я даже устыдилась за эту свою внезапную вспышку. Вот только...

Ещё одна дрожь сорвала ограничители окончательно и бесповоротно. Хрипло вскрикнув, я изогнулась от волны трансформации, прошедшей по телу. Сознание вспыхнуло и померкло. Всего на один краткий миг, пока моё тело выкручивало и ломало, перестраивая и кроя, да.

Но спустя этот миг на мир я смотрела глазами зверя. И этот зверь чёрным, пружинистым вихрем вылетел в окно, мягко приземлившись на клумбу в собственном дворе. Чтобы в следующий миг, с оглушительным, разъярённым рыком броситься в сторону одному ему ведомого дома.

Туда, куда его вёл древний инстинкт. Туда, где отчаянно цеплялся за жизнь член его стаи. Туда, откуда слышался тонкий, едва различимый, но такой жалобный крик о помощи.

Крик ребёнка, не желавшего умирать.

Глава 8

Два дня назад...

Оглядываясь назад, вспоминая тот день, я понимаю – мне стоило остановиться.

Просто остановиться. Понять, подумать, осознать, что же тут происходит. Наконец, просто вспомнить, что чужак проникнуть в резервацию не мог. И никому из членов моей стаи, априори, не могла грозить опасность. Не могла же?

Оглядываясь назад, вспоминая тот день, я признаю - всё должно было быть не так.

Я – вожак. Опора, защита, надежда стаи. Я тот, кто ведёт их за собой, тот, кто определяет как им жить дальше в этом многоликом, таком непостоянном человеческом мире. И я должна была, должна соответствовать собственному статусу. Быть мудрой, спокойной, рассудительной. Не пороть горячку и в кои-то веки не принимать поспешных решений. Вот только...

Я не была мудрой. Я не была взрослой. Я не была рассудительной. Я всё ещё оставалась той самой, нескладной, нелепой девчонкой, чью судьбу расписали по пунктам ещё до её рождения. И поступала так, как меня учили всю мою недолгую жизнь.

Я просто следовала своим инстинктам.

А они, в насмешку, как магнит тянули меня через всю резервацию. Тонкой нитью бьющей по нервам боли и безнадёжности оплетали, сковывали, вели за собой. И я бежала, стремительно, быстро, легко. В сторону добротного двухэтажного дома, на самой окраине, укрывшегося от посторонних глаз в тени прекрасного, ухоженного сада.

Я помнила каждое фруктовое дерево в нём, каждый куст. И запах свежей, домашней выпечки из открытого окна на первом этаже. Но сейчас, стоило чуть потянуть носом, приняться совсем немного, как когти вспороли чей-то газон, оставив длинные, глубокие следы и шерсть на зашивке встала дыбом. Тугой клубок из гнева, непонимания, боли и жажды крови расцвёл огненным цветком в груди, не оставив места ничему человеческому. Потому что...

Громкий, яростный рык разнёсся над посёлком, многократно отразившись от стен и окон домов. Он гулким эхом разнёсся по всей резервации, вспугнув сонных пичуг на деревьях. Склонив голову, я разогналась и всем телом врезалась в накрепко закрытую дверь. Без труда выбив её и приземлившись посреди просторной гостиной. Чтобы в следующий миг броситься вперёд, смыкая челюсти на чужой руке.

Чужой злобный крик сменился криком боли. Чудно переплетаясь с оглушающим плачем мелкого мальчишки, совсем ещё детёныша, забившегося в угол. Избитый, измученный, с телом, покрытым свежими и уже зажившими шрамами, худющий и полуголый, он истошно, почти неслышно мяукал, закрывая голову руками. И пах кислой, застарелой болью и безнадёгой так, что желудок свело узлом, а к горлу подкатил противный ком тошноты.

- Это. Мой. Сын, - тихое, злобное шипение заставило меня оторвать взгляд от кутёнка и присесть, напружинившись. Готовясь в любой момент напасть и не сводя ненавидящего взгляда с хозяина дома, медленно поднявшегося на ноги. И он смотрел на меня с такой же откровенной, едкой ненавистью и презрением во взгляде

Я знала его с детства. Второй в стае по силе, после моего отца, он учил меня охотиться и читать следы. Он рассказывал нам старые сказки, мифы и поверья, показывал, как правильно выбираться из человеческих капканов, если не дай бог кто-то умудрится в них угодить. Он...

Майкл Джонс был своим. Не просто членом стаи, членом семьи. И его жена, Катрин, всегда приносила в наш дом свою лучшую выпечку. Она искренне печалилась, что никак не получается родить. И, смеясь, сетовала на чужих котят, что не желают слушаться и всё норовят своровать яблоки из её сада. Того самого сада, которым она по праву гордилась, щедро делясь с соседями очередным урожаем.

Того самого сада, где в самом дальнем углу росли пахучие, душистые травы. Чей густой, тяжёлый шлейф так хорошо скрывал металлический запах крови и аромат мёртвой, гниющей плоти. И при мысли о том, кто там захоронен становилось страшно, от собственной слепоты и беспомощности.

Потому что нет ничего ценнее жизни, особенно жизни детей.

- Это. Мой. Сын... - последнее слово Джонс почти прошипел, сверкая безумным, диким взглядом, и вскинул руку с зажатым в ней пистолетом. Его пальцы дрожали, никак не желая попадать на курок, а тело тряслось от гнева и странного, лающего смеха. – Это. Мой. Сын... И я вправе делать с ним всё, что захочу!

И прежде, чем я успела что-то сделать, в оглушающей тишине дома прозвучал выстрел...

Глава 9

Повисшая тишина была колючей и неуютной. Она острыми иглами впивалась в кожу, забиралась в душу и мешала дышать, сдавливая грудную клетку. Глубоко вздохнув, я хрипло хохотнула, кривя губы в болезненной усмешке и не глядя на своих визави:

- Аконит, - ладонь машинально скользнула по правому бедру, в попытке унять тянущую, ничем не мотивированную боль. Фантомная и призрачная, она скрутила мышцы всего на мгновение, на пару долгих, мучительных секунд. И тут же исчезла, оставляя после себя неприятную, слабую дрожь. – И рябиновые щепки. Не смертельно, но едко и больно... Для взрослого верзверя.

О том, какой это ад для мелкого, ещё толком не вставшего на лапы кутёнка, я промолчала. Только стиснула зубы, чувствуя, как от одних лишь воспоминаний, губу проткнули вылезшие клыки, а в груди чёрной, жуткой змеей свернулись ярость и злость. Вырывая из глотки низкий, вибрирующий, пробирающий до костей рык.

Разливаясь по венам жгучим пеклом и жаждой. Нестерпимой жаждой вновь впиться клыками в горло, разрывая когтями мягкий, незащитный живот. Вырывая куски нежной, податливой плоти, чувствуя вкус горячей, сладкой крови. Слизывая её с морды с тихим, удовлетворённым урчанием. И наслаждаясь, открыто и гордо, тем ужасом и страхом, что наполнял чужой взгляд. Наблюдая, как медленно, но верно, этот самый взгляд стекленеет.

Чтобы громко, победно, оглушительно рыкнуть, задрав голову вверх, торжествуя над поверженным и побеждённым противником.

Жутко? Наверное, да. Несправедливо? Возможно. Бесчеловечно?

Тихо хмыкнула, тряхнув головой и с силой расправляя плечи. Бесчеловечно. Разве можно применить это слово к тем, в ком звериного больше априори? Разве можно говорить о «человечности», когда твой собственный наставник, тот, кого ты уважала и ценила, похоронил в собственном саду трёх своих детей? Только за то, что они не были идеальными?

- Бес-че-ло-веч-но, - беззвучно протянула по слогам и зарылась отросшими когтями в волосы, путая пряди. И уже громче, горько и устало проговорила. – В этом меня обвинили. Это мне поставили в вину. То, что я следовала своим инстинктам. То, что я...

- Защищала жизнь ребёнка, - закончил за меня Михаил. Пододвинув к себе банку с мёдом, мужчина зачерпнул ложкой горсть и сунул её в рот, коротко усмехнувшись. – Вот значит как...

И только Сэм молчал. Уставившись на столешницу, он сжимал челюсть так, что я могла поклясться, что слышала, как крошатся тупые, бесполезные клыки. Напряжённые пальцы стиснули ложку, сгибая мягкий даже для человека металл. О'Рурк знал, что наши мнения со стаей разошлись. Знал, что причина была в мелком пацане, не слезавшем с моих рук даже тогда, когда он вытаскивал пулю из ноги. Знал, что я натворила дел, когда невменяемую от боли, шока и эмоций, бивших по стайной связи неприкрытой отдачей, усаживал меня в ванну и смывал кровь и грязь.

Знал, да. Но даже не догадывался, что же произошло на самом деле.

- Совет поручил мне принять окончательное решение, - наконец, снова подал голос блондин. Хмуро сдвинув брови, он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди и прикрыв глаза. – Я должен был встретиться и с тобою, и с твоей стаей. Выслушать обе стороны, так сказать. Однако...

Медведь ненадолго умолк, поведя носом. Глубоко вздохнув, он медленно выдохнул и положил ладони на стол, открыв глаза. Уставившись на меня немигающим, тяжёлым взглядом, пробиравшим насквозь:

- Я решил сначала увидаться со стаей. Я был в резервации, Реджина. И мне жаль...

Я закрыла глаза, сгорбившись и вжав голову в плечи. Инстинктивно, словно ожидая удара, что добьет меня окончательно и бесповоротно. Ощутимо вздрогнув, когда снова умолкший Михаил, резко врезал кулаком по столу, хрипло рыкнув:

- Жаль, что кроме тебя никто не чувствует этот запах гнили. Зверь, отказавшийся от своих инстинктов, обречён на гибель. И Совет в моём лице удовлетворяет твою просьбу, Реджина. Ритуал будет проведён.

Глава 10

Опустившаяся на лес ночь мягко укутала дом, смывая очертания деревьев и гор вокруг. Стирая грань между человеком и зверем, обостряя чувства, обнажая животную натуру. Я чувствовала, как ноют дёсны, как колют пальцы острые когти, а слух неприятно режет человеческая речь, отдаваясь глухой вибрацией в груди. И отчасти понимала Михаила, сбежавшего из дома при первой же возможности.

Дикий, довольный рёв, грозным эхом прокатился по заповеднику. Всполюшив стадо оленей неподалёку и парочку неутомонных лисиц, по глупости решивших подобраться поближе к домику егеря. Звонко таявкая, мелкие хищницы со всех лап уносили свои хвосты, куда глаза глядят.

Тихо хмыкнув, я согнула одну ногу и подтянула колено к груди, закрыв глаза. И не смогла удержаться от низкого, недовольного урчания, когда волос коснулись чужие пальцы. О'Рурк мои явные возражения проигнорировал, продолжая осторожно разбирать спутанные пряди.

Заговорив только тогда, когда тяжёлый шёлк моих волос оказался собран в причудливое плетение пышной косы. И голос мужчины звучал до странного безразлично, с лёгкой ноткой интереса:

- Значит, небольшой инцидент?

Я промолчала, не видя смысла что-то объяснять. Скользнула кончиками когтей по спинке стула, выводя никому неизвестные, непонятные узоры. Вздрогнув, как от удара, когда лба коснулись сухие, тёплые губы, в нежном, целомудренном поцелуе.

- Я надеюсь, ты знаешь, на что идёшь... - тихо, с лёгкой грустью протянул Сэм, уткнувшись носом мне в плечо. Склонившись, он скользнул пальцами по моим плечам и сжал руки в стальное кольцо

объятий на талии. Не обращая внимания на глухой, раздражённый рык, на напряжённую позу и то, что если я захочу – без труда отшвырну его в сторону. Что хрупкий человек ничто в сравнении с полноценным, взрослым верзверем. Что если...

Гулко сглотнув, я стиснула зубы, давя ненужные, совершенно неуместные гневные порывы. Сделала один вдох, другой, заставляя скованное напряжением тело расслабиться. И поддавшись мимолётному желанию, осторожно потёрлась щекой о его висок, тихо, осторожно, едва слышно мурлыкнув.

То ли прося прощение за все недомолвки и проблемы, то ли благодаря за безмолвную, безоглядную поддержку. Не имея ни сил, ни хоть какого-то желания попытаться обличить свои мысли и чувства в слова. Да и зачем?

Сколько мы так просидели – я не знаю. Время тянулось медленно, густея с каждой секундой неизвестности, как тот самый, теперь уже ненавистный мне мёд. Янтарное, терпкое, приторно-сладкое. Отдающее горьковатыми нотами полыни и вязкого, кислого предательства. Пропитываясь с каждой минутой, отмеренной большими часами над каминной полкой, сомнением, неуверенностью, страхом.

Шумно вздохнув, я всё же дёрнула плечом, высвобождаясь из чужих объятий. Медленно поднявшись, бездумно прошла к двери и вышла на крыльцо, осторожно ступая босыми ногами по деревянным доскам. Чтобы остановиться у самой лестницы, сжимая пальцы в кулаки, и тихо проговорила, не оглянувшись на вышедшего следом Сэма:

- Они ждали от меня взрослых решений, ирландец. Обдуманых, взвешенных, выгодных. И каждый день убеждали меня в том, что я ещё соплячка. Детёныш, не способный нести ответственность за свои поступки. А когда я сделала так, как должна была... Они мне не поверили, - опустив голову, я ссутулилась, разглядывая потемневшие от времени доски. – Они знали, Сэм. Не все, да. Но те, кто был моей опорой, моей основной поддержкой – знали всё. И покрывали. И врали. И осуждали меня за его кровь на моих когтях. Так что если ты думаешь, что я не знаю, на что иду, ирландец...

Шорох веток привлёк моё внимание. Вскинув голову, я сощурилась, вглядываясь в окружающую нас темноту. Пригнувшись и

напружинившись, готовясь в любой момент перекинуться и броситься в атаку на незваного визитёра.

Шум повторился вновь, глухой рык раскатисто и зло разнёсся на несколько километров вокруг, становясь с каждым новым шагом прищельца выше и злее. Чтобы захлебнуться, когда на поляну перед домом из гущи кустарника вывалился огромный, серо-бурый медведь.

Высотой метр с лишним в холке, матёрый, покрытый шрамами и с серебристыми нитями седины на морде, он неторопливо подошёл к крыльцу, остановившись лишь в нескольких метрах. И подняв голову, взглянул на меня, отрывисто, резко зарывчав. Блеснув в неровном свете фонаря острыми клыками и расплавленным золотом нечеловеческих, жутких глаз.

Шерсть на загривке встала дыбом, когти прорезали подушечки пальцев, впиваясь в незащитную кожу ладоней. Устоять на ногах и не рухнуть на землю, подставляя незащитное горло и брюхо сильному зверю, стоило мне больших трудов. И всё же я сумела остаться на месте, шумно дыша и глотая вязку слюну. Глядя глаза в глаза истинному хозяину леса...

Тихо радуясь, что конкретно этот медведь на моей стороне.

- Редж, это...

- Да, это он. Михаил, - я коротко кивнула и бросила предупреждающий взгляд на друга, прежде, чем медленно спуститься по ступеням вниз, прямо на подъездную дорожку.

Поравнявшись с медведем, не сводившим с меня пристального взгляда, я замерла на расстоянии пары десятков сантиметров от него. И протянула руку, коснувшись могучего, покато лба, тихо, почти беззвучно уронив:

- Пора, да?

Медведь в ответ мотнул головой, скидывая мою ладонь. Тяжело оттолкнувшись передними лапами от земли, он поднялся на задние. Чтобы, задрав морду, раскатисто, торжественно рыкнуть, возвышаясь надо мной на два метра с лишним. А спустя мгновение, показавшееся вечностью, тяжело, грузно опустился обратно на землю, неспешно засеменя в одном ему ведомом направлении.

Недвусмысленно намекая мне следовать за ним.

- Присмотри за мелким, Сэм, - подняв взгляд, я печально улыбнулась встревоженному другу. И тут же скрылась в лесу, без труда

идя по следам медведя куда-то на восток.

Даже не представляя, что меня ждёт и какую цену мне придётся заплатить.

Глава 11

Едва заметная тропа петляла среди деревьев, уходя вглубь густого, терпко пахнущего леса. Я скользила неслышно, мягко ступая по мелким веткам, выступающим из земли корням. Цепляясь за силуэт шагавшего впереди зверя, как за единственный ориентир. Единственный способ не утонуть в окружающих меня звуках, запахах. Потому что...

Растянула губы в диком оскале. Лес был живым. До последнего листочка, до самой мелкой, хрупкой ветки. До прятавшихся в корнях деревьев грызунов, до сонно сопевшего гнезда ласок и тихо ухающих сов. Он дышал, двигался, поглощал и давил какой-то своей, особой мистической силой, словно пытаясь отговорить меня от собственного решения.

Словно шепча на самой грани слышимости «Уходи, уходи, уходи...». А я...

А что я? Я, как глупый кутёнок, только сжимала зубы крепче, в который раз прокусив губу, и шла вперёд. Пробиралась сквозь заросли кустов, ныряя под низко висящие ветви. И давила то никчёмное чувство тревоги, холодной змеёй свернувшееся в груди и не дававшее спокойно дышать. Тревоги за стаю, за свою семью, пусть даже предавшую и отвернувшуюся от меня.

В конце концов, они так давно хотели, что бы я несл ответственность за свои поступки, за свой выбор. Так почему бы не начать делать это прямо сейчас, а?

Огромная, затянутая дымкой тумана поляна появилась перед нами внезапно. Она словно выросла посреди леса, окружённая поваленными деревьями и горой выбеленных временем черепов, развешенных по чёрным, сгнившим веткам. Густой, дурманяще-сладкий воздух пропах опаской, сыростью и чем-то неуловимым. Тем, от чего на загривке шерсть вставала дыбом, а зверь внутри рвался на свободу, срываясь с железных цепей самоконтроля. Невольно проникаясь, пропитываясь царившей вокруг дикостью и первобытной жаждой.

Тихо взрыкнув, я не задумываясь перемахнула через старые, покрытые мхом стволы могучих елей, вырванных из земли с корнями. И встала чуть позади остановившегося у самого края поляны медведя. Чувствуя, как по телу прокатывается предательская дрожь предвкушения, как лезут когти, а клыки царапают кожу.

И совершенно не представляя, что будет дальше.

Михаил замер, подняв вверх морду, шумно принохиваясь. Ударил лапой по земле, взрыхлив траву и оставляя след и снова замер, прислушиваясь к чему-то. Чтобы спустя пару долгих, томительных минут медленно, плавно подняться на задние лапы, раскинув передние в стороны и...

Взревел. Гулко, грозно, громко. Переливчато и так, что вышибало дух, завораживая и пугая до чёртиков. И я не заметила сама, как грудь завибрировала от громкого, утробного урчания, вплетавшегося невидимой, несущественной нотой в звучащий медвежий рёв. Как где-то на западе завывала стая волков, надрывно, агрессивно, приветственно, а те самые лисицы, радостно тявкали в паре метров от нас, восторженно и яростно-торжественно. Смешиваясь с этой безумной, но на диво гармоничной какофонией звуков, зарождая, где-то в глубине души, этот странный, почти безумный, восхищённый трепет.

Трепет от ожидания чего-то невозможного.

Туман сгустился, завораживаясь тугими спиралями вокруг поляны. Он расплзался вокруг и концентрировался в одном месте, окутывая нас, сдавливая, проверяя на прочность. На право быть здесь, право просить о чём бы то ни было. И в голове сами собой всплывали старые, подзабытые сказки о том, что духи живут среди нас. Что они – повсюду. Незримые, незаметные, отстранённые. Пока ты не позовёшь их, не попросишь о помощи. И если Духи откликнутся...

Значит, твой зов был искренним. Значит, ты был в своём праве.

Судорожно вздохнула, облизнув пересохшие губы. Широко распахнутыми глазами глядя на то, как туман поглощает всё вокруг нас. Как медленно, но верно гаснет почти полная луна на ярком, ночном небосводе, усыпанном миллиардами звёзд. А в следующую секунду лес взорвался запахами, звуками. Жизнью.

Многоголосый хор барабанов и бубнов нарушил звенящий покой, оглушая, дезориентируя, затягивая в свой дикий, не поддающийся

логике ритм. Нарастающий, то стремительный, как ветер, то медленный, как спокойная река, он вытеснял то человеческое, что ещё оставалось во мне. Он звал, звал меня за собой, туда, за грань реальности и этого мира. И достигнув своего пика – оборвался.

Смолк, оглушая наступившей тишиной. Оставляя нас с медведем одних на пустой, тёмной поляне, окружённой клубами свинцово-серого, плотного тумана. Или?...

Глава 12

Смех. Тихий, безумный, как перелив колокольчиков, как песнь жаворонка на рассвете. Он был повсюду, за спиной, рядом со мной и на другом конце поляны одновременно. И я давила в себе, неуместный, совершенно детский, глупый порыв упасть на землю, закрывая лапами голову.

Желание скрыться, сбежать, спрятаться было невыносимым. Но я не двинулась с места, даже не обернулась, дрожа от пронизывающей, чуждой силой, стылым холодом прошедшей вдоль позвоночника и оставившей привкус крови на губах. И точно зная, кто же откликнулся на наш такой опрометчивый, но такой необходимый призыв.

Кхатки. Дух Зверя, дикий и древний.

Она появилась перед нами внезапно. Соткалась из клубившегося тумана так легко и естественно, что я не успела удивиться или испугаться, во все глаза глядя на неё. Невысокая, хрупкая женская фигура, с мертвенно-белой кожей и тонкими, паучьими пальцами, увенчанными острыми, клиновидными когтями. Её тело укутали потёртые, чёрные шкуры, сплетённые между собой тонкими, колючими ветками, а лицо скрывал огромный череп лося. Острые, ветвистые рога опасно блестели в неверном свете луны, важно покачиваясь в такт движений духа, переплетаясь с ожерельем из вороньих и орлиных перьев.

Кхатки стояла прямо, гордо выпятив худую, впалую грудь. Сжимая тонкими пальцами узловатый посох, украшенный связкой выбеленных временем черепов и клыков. Она молчала, но я могла поклясться, что этот тихий, непрекращающийся смех принадлежал ей. Безумный, свободный, оставляющий на языке вкус чистого, ничем не сдерживаемого, абсолютно животного бешенства.

Гулко сглотнула, не имея ни сил, ни желания отвести глаз от этого существа. Её гротескный, пугающий облик завораживал своей дикостью и неправильной, первобытной красотой. И как никогда лучше отражал всю двойственность нашей сущности, способность Кхатки изменить всё, что касалось зверя внутри нас.

Когда она оказалась прямо передо мной – я не знаю. Один миг и в меня упираются тёмные провалы глазниц огромного черепа, испещрённого рунами и знаками. А в следующую секунду скрипучий, надрывный голос бьёт по нервам, вызывая невольную дрожь. И сила, звучащая в нём, подобна молоту, разбивающему меня на куски и собирающему заново.

Не дающему даже права на ложь, право продолжать гордо стоять, глядя прямо в глаза этой сущности. Вынуждая склониться, хочу я того или нет, давя и подчиняя, ломая хребет и пресекая любые попытки к сопротивлению.

- Звала... - крик воронов, скрип веток, лай псов. – Зачем?

- Стая предала меня... - я с трудом ответила. Медленно, тяжело и надрывно дыша.

- Не существенно, - тихий, переливчатый смех. Череп склонился набок, острые когти очертили воздух вокруг моего лица.

- Они... - я сглотнула вязкую слюну, хмурясь и подбирая слова. И голос беспомощно оборвался на полуслове, стоило поднять глаза и посмотреть прямо в пустые провалы глазниц. – Они...

Когтистые пальцы рассекли воздух перед моим носом, а смех ударил по ушам. Звонкий, безумный, яркий. Он вибрировал в воздухе, оставляя липкие следы на коже и переворачивая душу, выворачивая её наизнанку.

Коснувшись кончиком когтя моего носа, Кхатки проскрипела:

- Ты вожак. Ты патра. Ты сильнее их. Зачем звала?

Я вздрогнула, как от удара и не смогла сдержать тихого, жалобного рыка. Глубоко вздохнув, я собрала в кулак всю ту волю, все те силы, что у меня остались. Духу было плевать на мои сомнения, на мою слабость, мои ошибки. Ей было всё равно, что побудило меня поступать так, а не иначе. Она видела мою суть, видела мою силу, моего зверя.

И вправе была требовать веских причин, действительно веских, способных оправдать этот внезапный зов, нарушивший её

многолетний покой.

Зажмурилась, впиваясь когтями в ладони, вспоминая. Заставляя всё, что так давно давила в себе, все ощущения, все мысли, все подозрения, наполнить разум, затопить душу. И распахнув глаза, как можно твёрже заговорила, глядя на застывшего в нелепой, странной позе духа – голова набок, одна рука поднята, словно занесена для удара, а черепа и кости глухо стучат под порывами нарастающего ветра:

- Они считают меня мифом, данью традициям. Ребёнком, занявшим чужое место. Я их вожак, но мои слова не стоят и ломаного гроша. Они смотрели, как умирают слабые, беззащитные дети и молчали, предпочитая делать вид, что ничего не произошло. А когда я, сделала то, чему меня учили, когда я поставила жизнь дитя выше титула, выше жизни безумца... Они осудили меня, заявили, что им нужен другой вожак. и если такова их воля... Я, Реджина, верзверь из рода пантер, позвала тебя, Кхатка, великий Дух Зверя, чтобы просить помощи... И разорвать эти связи, раз и навсегда. Помоги мне, великая...

Сгорбившись, я склонила голову, лишь чудом держась на ногах. Сила Кхатки давила всё сильнее, пронизывая, пригибая к земле. И, не выдержав, я рухнула на колени, впиваясь когтями в землю, надрывно, почти беззвучно мяукая у ног застывшей неподвижно сущности.

А ей было наплевать. Поведя тонкими, тощими плечами, Кхатки качнула посохом, вырывая тонкий, громкий перестук костей. И заговорила лишь спустя долгие, томительные минуты оглушающей тишины, наполненной смехом, скрипом, криком, стоном вокруг:

- Твоя суть. Твоя душа. Жить без стаи? Нет. Они без тебя? Нет. Но ты честна в своих словах, дочь Чёрной Смерти. Честна, да...

Первый удар, затем ещё и ещё. Бой барабанов, звон мелкий бубенцов. Медленный, дразнящий ритм всё нарастал, заполняя собой всё пространство. Вновь выбивая воздух из лёгких.

- Я принять решение, - когтистые пальцы коснулись моего подбородка, врезаясь в кожу, оставляя длинные, рваные раны. Подняв мою голову, Кхатки страшно, пугающе засмеялась, качая головой. – Я помочь тебе, дочь Чёрной Смерти. Но за это – ты платить мне. Часть твоей жизни – вот моя цена.

Я задохнулась от холода, от стылых, влажных прикосновений к собственной коже. И недоверчиво повторила хриплым, срывающимся голосом:

- Часть... Жизни?

- Да, - улыбка сквозь череп. Кхатки хихикнула, без труда заставляя меня подняться на ноги, удерживая цепкой хваткой за подбородок. Медленно опуская пальцы на мою незащищенную открытую шею. Сжимая её в мёртвой, обжигающей хватке. – Небольшая. По меркам Духа. Чуть-чуть... Согласна?

Лёгкие горели от нехватки воздуха, а по телу пробегала предательская дрожь трансформации, разбивающейся о силу духа, как волны об острые камни. Вцепившись в душившую меня руку, я могла бы поклясться, что видела дикую улыбку там, за белой, шершавой костью черепа. И пропустила тот момент, когда тонкие пальцы разжались, давая возможность вдохнуть сладкий, густой воздух полной грудью.

Одна ладонь Кхатки улеглась на мой лоб, вторая на грудь, напротив сердца. Дух застыла, ожидая моего решения. Давая мне иллюзию выбора, прекрасно зная, каким будет ответ на её провокационный вопрос. И я не стала разочаровать древнюю, жуткую сущность, закрывая глаза и кивая головой.

Бой барабанов оглушил, взметнувшись ввысь. Бубны зазвенели, издевательски и тонко хохоча. А Кхатки...

Кхатки пела. Беззвучно и страшно, разевая беззубый рот белого черепа оленя, погружаясь когтями в моё безвольное, бессильное тело. Слизывая густую, солоноватую кровь, текущую по моему лицу и довольно смеясь.

Кхатки была счастлива. Я ощущала это кожей, её безграничную, ослепительно яркую радость. Столько лет забвения, столько лет тишины и унылого покоя в этих лесах и вдруг Зов. Разве могла она его не услышать, не прийти?

Разве могла она упустить шанс вкусить чужой молодости и силы?

Нет. И глядя на меня, она забавлялась, щеря свой страшный рот в довольной улыбке. Молодая пантера, патра по рождению – это алмаз, редкий и не огранённый. Моей силы, моей крови хватит, чтобы вспомнить вкус жизни, давно истлевший с чуждых, чёрных губ. А что будет дальше – духа не очень-то интересовало.

- Глупый зверь... - шёпот, пробирающий до костей. И осознание, что Кхатки плевать, что мы ей говорили. Она не слушала нас, она смотрела и видела, сквозь шелуху надуманных обид и пустых слов.

Без труда лоя крупницы истины в огромном море лжи, пропитавшей наш мир насквозь. Даже пожелай я спрятать, скрыть причину, она бы нашла... И заставила заплатить вдвойне, забирая всё без остатка и жалости.

Тихий, надрывный всхлип. В груди словно ворочались сотни, десятки лезвий. Они раздирали сердце, разрывали душу, раздвигали рёбра. Я чувствовала ледяные когти Кхатки, впивавшиеся в моё тело, чувствовала её дыхание на своих губах. И понимала, осознавала, что мне...

Повезло. Что Дух согласился, что счёл моё решение правильным. Поэтому забирает лишь крохотный, маленький кусочек моей жизни. Долгой, даже по меркам оборотня. Кхатки приняла решение, и она же привела его в исполнение, не удосужившись озвучить его толком вслух, не считая это нужным.

Её волю ощутят все, её выбор примут все. Так или иначе. Рано или поздно.

Сознание медленно гасло, отчаянно цепляясь за чувства и слух. Лоя отголоски рвущихся, звонко лопающихся нитей, тянувшихся от меня к стае и обратно. Внутренности скручивало от боли. Невыносимой, выламывающей кости, выворачивающей суставы. Раскалённым жаром выжигающей что-то важное, что-то невероятно ценное где-то в самой глубине моей звериной сущности.

Что-то, чему я, как ни старалась, не могла ни придумать, ни подобрать название. И глотала рвущиеся с языка крики, прикусив щёку изнутри отросшими клыками.

Это было страшно. Страшно слышать надрывный, надломленный рёв зверя, гулким звоном отдающийся в моей голове. И больно. До горячих слёз, стекающих по щекам, до истошно колотившегося сердца. Но Кхатки было плевать.

Она пела. Она смеялась. Она творила свою волю, как хотела и как могла. Она кружилась в странном, диком, изломанном танце, и шептала-шептала-шептала...

- Глупый зверь... Сильный, глупый зверь... Ты выбрать свой путь. Я помочь тебе. Они прийти, Патра. Рано или поздно, поздно или

рано... Что делать будешь, а?...

Когти отпустили меня, сильным толчком в грудь роняя на землю. Окровавленные пальцы мазнули по груди и лбу. И прежде, чем я потеряла сознание окончательно, я услышала тихий, хриплый смешок над самым ухом, чувствуя холодное, мёртвое дыхание на собственном лице.

- Что делать будешь, а Патра? Они прийти... Рано или поздно, поздно или рано. Что выберешь, дочь Чёрной Смерти,, а? Кхатки посмотрит. Кхатки узнает. Кхатки посмеётся...

Я не видела, как туман мягкими нитями, крепкими объятиями укутал чуждую сущность. Не слышала яростного медвежьего рыка, вспугнувшего почуявших кровь падальщиков, круживших вокруг поляны. Не почувствовала, как пресс чужой силы исчез, истлел в ночной тишине, вместе с резко замолчавшим барабанным боем.

И не видела, как над поляной заиграло самое настоящее северное сияние, расцвечивая тёмный лес жидкой палитрой ярких цветов.

Глава 14

Мягкое марево забытья ворочается плотным, тугим комком. Оно оплетает меня, поглощает в себе. Пронизывает, не оставляя и шанса на то, чтобы ускользнуть. Медленно, размеренно стучит сердце, отдаваясь гулким эхом где-то там, в пустоте.

Там, где раньше было что-то большее, чем я.

Я хочу дёрнуться, хочу шевельнуться, хочу вырваться из плена мутных образов и пугающих знаний. Но моё тело сковано, связано по рукам и ногам. Оно – непослушное, тяжёлое, чужое. Оно больше, чем я помню и где-то на самом краю сознания я со вздохом понимаю, что придётся учиться заново.

Учиться всему. Но...

Хлёсткий удар обжигает щёку. Он заводит моё глупое сердце с нуля до двухсот ударов в минуту, разгоняет адреналин и дикую, животную ярость по венам. И прежде, чем я успеваю это осознать, моё тело действует на голых, ничем не прикрытых инстинктах.

Чтобы с громким, злым, глухим рыком впиться когтями в незащитно подставленную шею. Тут же разжимая пальцы и отшатываясь в сторону, падая на спину и отползая по полу к стене. Широко раскрытыми от ужаса глазами глядя на зажимающего глубокие раны Сэма.

- Ты...

Из горла вырывается сиплый хрип. Кислорода катастрофически не хватает, лёгкие горят огнём. И я задыхаюсь, я кричу дико, надрывно. Я выгибаюсь на голом полу, разбивая когтями крепкие, толстые доски. В нос шибает запахами, острыми, нестерпимыми, пряными, оставляющими металлический привкус на языке.

А в голове бьётся одна и та же фраза, повторяемая низким, шипящим шёпотом: «Глупый зверь... Глупый-глупый зверь...».

- Что с ней?! – Сэм хватается меня за руки, пытаюсь удержать, пока тело выгибается в очередной, нечеловеческой судороге.

Я дёргаюсь, пытаюсь вырваться, огрызнуться. Я бью ногами, в попытке ударить жалкого человека, рычу и скалю клыки. И замолкаю, резко внезапно, тяжело и шумно дыша. Напряжённо прислушиваясь к чужим, мягким шагам, приближающимся ко мне. До той поры, пока их обладатель, высокий, мощный зверь, не окажется опасно близко ко мне. Подойдя для того, чтобы вздёрнуть за шкуру жалобно мяукающий комок.

Держа когти в опасной близости от тонкой шеи ребёнка.

- Не-е-ет! – я не замечаю, что это мой крик. Не слышу его, пока грудь не раздирает от боли, от потребности взять в руки, прижать к себе.

Потребности ощутить ту тонкую, едва заметную нить связи, принадлежности, что тянулась к беспомощно барахтавшемуся в чужой хватке котёнку.

Я не осознаю это до конца, не понимаю, что происходит, когда одним ударом когтей откидываю прочь мешающего мне человека. И бросаюсь вперёд, одним слитным плавным движением. Сбивая с ног довольно ухмыляющегося блондина, запуская когти в его бок и выдирая слабо мяукающего кутёнка из его разжавшихся пальцев.

Чтобы в следующий миг отскочить назад, прижимаясь спиной к стене, скаля клыки на чужаков и потираясь щекой о загривок тихо урчащего котёнка, спрятавшего морду на моём плече. Кожей ощущая, как что-то там, в голове, в душе, в груди встаёт на место, с тихим щелчком завершая меня. Делая меня...

Цельной. И моргнув, я уже осмысленным, растерянным взглядом уставилась на всё ещё валявшегося на полу, ухмыляющегося Михаила

и Сэма, с трудом поднявшегося на ноги и опирающегося рукой на подлокотник дивана.

- С возвращением, - прогудел медведь, перекатившись и встав с пола. Встряхнувшись совсем по-звериному, он довольно прогудел. – Рад вновь видеть тебя, Реджина.

Язык был как наждак, горло сдавило спазмом. Пришлось пару раз сглотнуть, прежде, чем я смогла выдохнуть, медленно сползая по стене вниз и машинально глядя урчащего Ремуса:

- И я... Рада, что вернулась.

Закрыв глаза, я прижалась щекой к мягким, светлым волосам. Даже не заметив, когда маленький котёнок пантеры в моих руках перетек в человеческую форму. И теперь цеплялся тонкими, маленькими пальчиками за мои волосы, тянул их на себя и прижимался все крепче.

- Это было жестоко, - глухо проговорил О'Рурк чуть позже, сидя на стуле и наклонив голову вперед. Я осторожно, пересиливая инстинктивную брезгливость, осторожно обрабатывала рваные раны на его шее.

- Нет, - флегматично откликнулся Михаил, развалившийся на диване с планшетом и листавший на нём какие-то документы.

- А если бы ребёнок пострадал? – ирландец поморщился и дёрнулся, стоило мне нажать на края ран чуть сильнее, обрабатывая их ватой, смоченной в лекарстве. – Айш, Редж!

- Прости, - тихо вздохнула, пытаюсь отвлечься от запаха крови, витавшего в воздухе. – И нет. Это было не жестоко, это было... Необходимо.

- Почему?

Я промолчала, не зная, как объяснить то, что знал каждый верзверь, знал на инстинктивном уровне. И слабо, благодарно улыбнулась, когда Михаил спокойно ответил вместо меня:

- У каждого из нас бывает такое состояние. Состояние амока, настоящего животного безумия. Когда действуют только инстинкты... И ничего больше. И выйти из этого состояния можно лишь устроив кровавую бойню... Или замкнув на одном из ключевых желаний. В случае с Редж – инстинкте защиты ребёнка.

- Наша... Связь, да, - глубоко вздохнув, я отошла к дивану и села на самый край, обхватив себя за плечи. – Разорванная связь со стаей,

она... Выбила меня. Вывернула наизнанку. Я потерялась и... Только Ремус смог меня вытащить обратно.

- И всё же, это было жестоко, - Сэм недовольно поджал губы и покачал головой. Чтобы в следующий миг, вздохнуть и направиться в сторону плиты. Поставив чайник, он опёрся ладонями на стол и, чуть помолчав, спросил. – И что теперь? Что будет дальше?

Мы с медведем обменялись нечитаемыми взглядами. Он нахмурился и сжал челюсть, неопределённо дёрнув плечом. А я...

Я криво усмехнулась и сжала пальцы в кулаки, хрипло, с оттенком рычания выдохнув:

- А дальше Стая. Нас ждёт разговор... В последний раз.

Глава 15

Говорят, мудрость приходит с возрастом. А бывает...

Выключив душ, я привычно встряхнулась и шагнула на мягкое, махровое полотенце, брошенное на пол. Провела рукой по волосам, выжимая лишнюю влагу. Встряхнулась ещё раз, морщась от больно бьющих по коже прядей, висевших сосульками.

Качнувшись с пяток на носок и обратно, я опёрлась подрагивающими пальцами на ледяной кафель стены. Запотевшее, покрытое крупными каплями воды зеркало манило и пугало одновременно. И глубоко вздохнув, я провела второй рукой по гладкой поверхности, вздрогнув, стоило встретиться взглядом с собственным отражением.

Горько усмехнулась, очертив кончиком когтя заострившиеся скулы, угрюмые складки вокруг рта и прорезавшие лоб морщины. Да, мудрость приходит с возрастом, но бывает так, что возраст приходит один. И глядя на свои родные, чуждые черты лица, я как никогда чувствовала себя слишком старой, чтобы разбираться со всем этим.

Слишком глупой, чтобы сделать всё правильно.

- Чуть-чуть, по меркам Духа, - хрипло выдохнула, склонив голову набок и отступив на шаг назад. Провела пальцами по вискам, где теперь змеились серебристые нити седины, причудливо переплетаясь с тёмными прядями волос. Коснулась белёсых шрамов на горле, отметин на груди, напротив сердца.

Я хрипло хохотнула, невесомо огладив красно-чёрные, медленно подживавшие линии. Они тянулись от плеча к плечу, по выступающим ключицам, по белой, нежной коже. Переплетались замысловатым

кельтским узлом чуть выше солнечного сплетения, складывались в цветы и лозы. И недвусмысленно напоминали о том, что я сделала.

Напоминая, чего мне стоил выбранный мною путь.

Когти едва ощутимо царапнули кожу, посылая толпы мурашек по телу. Мышцы болезненно напряглись, пронизанные судорогой подступающей трансформации. В груди заворочался зверь, злой, неуклюжий, дикий. Но я лишь вздохнула ещё раз.

И вышла из ванной, как была – обнажённая и свободная в своей наготе. Ни капли ни смутившись сидящего в комнате Сэма.

О'Рурк лишь бросил на меня мимолётный взгляд, оторвавшись от книги в потрёпанном, кожаном переплёте. И снова уткнулся в пожелтевшие от времени страницы, тихо заметив:

- Они приходили снова.

- Кто? – я нахмурилась, нехотя натягивая джинсы и майку на влажную кожу. Откинув мокрые пряди на спину, склонила голову набок, прислушиваясь к дому.

Тишина стояла почти оглушающая. Только где-то в стороне добродушно ворчал медведь и бесстрашно фыркал мой котёнок, пытаясь повалить огромного, страшного зверя. По тонкой нити связи, соединяющей нас, потекла радость от прогулки по лесу, смятение от обилия запахов и следов и гордость. Наивная и всеобъемлющая гордость за...

Меня?

Невольно тихо заурчала, осознав это. Греясь в ярких, почти обжигающих эмоциях ребёнка. И чувствуя, как медленно, почти незаметно, но отпуская сковавшее меня напряжение и страх.

- Коты твои, - хмыкнул Сэм. Он медленно сел, явно поморщившись от боли, и потёр плечо. – Требовали выдать отступников. Грозились предъявить мне нарушение Кодекса... И попытались убедить меня в том, что я пожалею о том, что влез в дела вашей стаи.

Он говорил легко, даже насмешливо. Но я подалась вперёд, нагнувшись, напружинившись. И втянула носом воздух, чувствуя, как нижнюю губу покалывают вылезшие клыки, а из груди рвётся злое, дико рычание.

От Сэма ощутимо пахло кровью. Свежей кровью, пропитавшей небрежно сделанную повязку насквозь. А ещё нетерпимо воняло

зверем. Горьким, как полынь и терпким, приторно-сладким как чёртов мёд. И чужим.

Совершенно, абсолютно чужим зверем.

Пустота в груди дрогнула, отозвавшись волнами глухой, уже почти привычной тоски. Но я лишь резко повела плечами, откинув в сторону ненужные сожаления. И решительным шагом направилась к кровати, оккупированной удивлённо смотревшим на меня ирландцем.

Чтобы без труда стащить его оттуда и легко, не прилагая особых усилий, увести за собой на первый этаж. Недвусмысленно впиваясь когтями в его запястье, намекая на то, что сопротивление бессмысленно.

Впрочем, Сэм почему-то совсем не возражал. Ни тогда, когда я протащила его за собой на кухню, ни тогда, когда толкнула его на высокий, свободный стул.

Ни тогда, когда поставила на плиту большой, жестяной чайник с холодной, ключевой водой и застыла на месте, закрыв глаза и шумно принюхиваясь. Он лишь, молча, таращился на то, как легко ориентируясь по запахам, я вытащила на стол аптечку, чистую полоску ткани и большую ступку с пестиком с самых верхних полок.

И не пытался хоть что-то у меня спросить.

Пальцы привычно перебирали мешочки, то поднося их к носу, то отбрасывая прочь. Я смешивала травы и воду, перетирая получившуюся смесь в деревянной ступке и иногда тихо, но вдохновенно шипела, стоило Сэму хоть чуть-чуть шевельнуться. И даже не пыталась понять, откуда взялась эта дикая, почти нестерпимая потребность сделать всё, чтобы друг выздоровел как можно быстрее.

Как и много раз за эти дни, я поступала так, как меня учили. Я просто следовала инстинкту. Инстинкту, требовавшему позаботиться о человеке так, как я никогда не заботилась даже о члене собственной стае.

Успокоиться я смогла лишь тогда, когда сорвала когтями простенькую перевязь с плеча мужчины и шумно обнюхала рваные раны от когтей собственных сородичей. Сморщилась и размашисто, широко лизнула чуть солоноватую, мягкую кожу. Слизывая выступившую кровь и сдергивая наметившиеся корочки по краям. Крепко удерживая дёрнувшегося Сэма за здоровое плечо.

Игнорируя все его попытки уйти от моих прикосновений. Глупый кутёнок, что с него взять?

Ещё раз шумно обняв очищенную рану, я удовлетворённо фыркнула. И аккуратно, черпая пальцами из ступки, наложила лечебную кашицу на пострадавшее место и прижала чистой тканью, туго забинтовав плечо. Только тогда я смогла расслабиться и длинно, довольно выдохнуть, расправляя сведённые от усталости плечи.

И недоумённо моргнула, уставившись на довольно улыбающегося Михаила, заставшего на пороге дома с Ремусом на плечах. Медведь смотрел понимающе, так снисходительно, как родитель, заставший непутёвого ребёнка за серьёзным, важным делом.

- Что? – я непонимающе нахмурилась, обхватив себя за плечи и отступив на шаг от подозрительно молчавшего хозяина дома.

- Ничего, - хмыкнув, вермедведь прошёл в дом и осторожно усадил мелкого на диван. Подхватив свою куртку, валявшуюся тут же, он подошёл к столу и протянул мне свой телефон. – Думаю, тебе пора напомнить о себе, Реджина. И назначить встречу. Тем более...

- Пути назад уже нет, - я медленно кивнула головой, взяв предложенный мне смартфон. Та самая пустота в груди вновь шевельнулась, заставив меня на секунду замереть на месте. Но...

Я глянула на Михаила, на задумчиво хмурящегося Сэма, прислушалась к тихому посапыванию разомлевшего после прогулки Ремуса. И решительно набрала выученный до последней циферки номер.

Медведь прав. Пора напомнить о себе.

Глава 16

Стоило Реджине выйти на крыльцо, отгородившись от остальных обитателей дома, Сэм тут же вскинулся, сжимая руки в кулаки. И тихо, так, чтобы его услышал лишь один верзверь в этом доме, выдохнул:

- Что это было?

Михаил с минуту внимательно на него смотрел, а после снисходительно улыбнулся, пожав плечами:

- Не знаю о чём ты.

Стоявшая рядом кружка лишь чудом не полетела в сторону спокойного, как глыба блондина. Ирландец сжал её пальцами так, что побелели костяшки, но всё же сумел сдержаться. Не в последнюю

очередь потому, что прекрасно понимал – лишний шум привлечёт к их «беседе» ненужное внимание.

Мельком глянув в окно, где маячила тонкая, худющая тень мелкой, мужчина глубоко вздохнул, заставив себя успокоиться и остаться на стуле. И поднял голову, глядя прямо в глаза этому... Медведю.

- Я вам благодарен, - медленно, по слогам протянул О'Рурк, опершись локтями на столешницу и сцепив пальцы в замок. В ответ на вежливое удивление на лице блондина, он хмыкнул, кивнув головой в сторону веранды. – За неё. И я знаю, что ваши звериные делишки не моего ума дело, но...

- Но? – любезно оскалился медведь, подавшись вперёд и усевшись за стол напротив него. Скрестив руки на груди, он хрипло хохотнул, явно думая о чём-то своём.

- Но что вы с ней, чёрт возьми, сделали?! – показное спокойствие слетело вмиг, выдавая всегда собранного и осторожного ирландца с головой. Передёрнув плечами, он коснулся туго перебинтованной раны, невольно вспоминая прикосновение шершавого, мягкого языка.

Это было странно. Дико, неправильно, ненормально. И ещё куча эпитетов, подобрать которые у Сэма не получалось. Во всяком случае, чтобы звучали они цензурно и не стали причиной для встречи с чужими когтями. Снова.

О'Рурк тихо фыркнул, качнув головой и криво усмехнувшись. Глупо было нарываться так открыто, но когда этот драный кот появился на пороге его дома и стал что-то требовать. Заявил, что он в праве, что человек должен ему подчиниться...

Что ж, Ирландец, как ни странно, не был ни миротворцем, ни добрым самаритянином. И грех самопожертвования не ставил во главу угла, трезво оценивая и свои силы, и свои возможности. И поведи себя член стаи Редж по-другому, вспомни он хотя бы о подобии воспитания, ответ был бы другой.

Вряд ли положительный, но всё же достаточно дипломатичный. Во всяком случае, простреленное колено болело бы не так обидно и не так сильно. Может быть.

Сэм самодовольно хмыкнул, вспомнив, как скакал козлом гость, получивший пулю в ногу. Плевать на то, что эта рана не причинит особого вреда чёртовому верзверю, способному исцелиться за пару

минут. В тот момент О'Рурк чувствовал небывалое, ни с чем не сравнимое удовлетворение, забыв о проткнутом когтями плече и каплях крови, пропитавшим одежду насквозь.

И кажется, начинал понимать, почему все так радовались, что у него нет младших сестёр и братьев. На всех уродов пуль не напасёшься. Хотя...

- Занятный запах, - глухой, насмешливый рык напомнил о том, что он здесь не один. – Люди... Даже интересно, о чём ты думал... С таким лицом.

- О том, что мне вполне хватит и пуль и терпения, чтобы сделать из тебя дуршлаг, медведь, - тряхнув головой и отгоняя не нужные мысли, О'Рурк вновь пристально уставился на своего гостя. – И ты ушёл от ответа... Михаил.

- Хм... - задумчиво хмыкнул зверь. На его руках мелькнули когти, тут же втянувшись в пальцы, демонстрируя уровень самоконтроля. Но на этом замолчал, прикрыв глаза и думая о чём-то своём.

Затянувшееся молчание нервировало. Оно оседало липкими прикосновениями на коже, оставляя неприятный осадок на языке. Ирландец уже всерьёз подумал о том, что так и останется ни с чем, когда блондин шевельнулся и тихо, небрежно заметил:

- Стая.

- Эм... Что?

Михаил громко, раскатисто расхохотался, откинув голову назад. И подавшись вперёд, опираясь огромными руками на столешницу, повторил:

- Стая. То, что ей нужно. Семья. Те, о ком она будет заботиться. Те, кого она будет защищать, беречь, охранять. Её суть, человек. Её необходимость.

- Но... - Сэм растерянно моргнул, пытаясь сложить картинку. Вот только пазл не поддавался, то и дело, распадаясь на отдельные элементы. Он тряхнул головой, потёр переносицу и всё равно как-то беспомощно протянул. – Как же...

- Вот что, - Михаил замер, к чему-то прислушиваясь. Кивнув каким-то своим мыслям, он заговорил снова. Тихо, размерено, спокойно. Чекая каждое слово. – Для людей это дико, осознавать свою зависимость от такого количества себе подобных. Вы этого не понимаете. Вы не знаете, что такое жить единым целым, быть частью

чего-то большего. И каждый день слышать эхо чужих мыслей, чувств, эмоций. Они пронизывают тебя, питают, поддерживают. Этакое... Чувство локтя, так, кажется, у вас говорят?

Сэм кивнул, нахмурившись и пытаясь понять, к чему ведёт оборотень. А тот лишь поднялся со стула, направившись к плите. И принялся заваривать чай, на две большие кружки. Без труда найдя в огромном количестве банок и склянок ту, что с мёдом и щедро положив в огромную, керамическую бадью пару больших ложек.

Чтобы продолжить, медленно помешивая получившийся чай и шумно вдыхая травяной аромат, витавший в воздухе:

- Для Реджины – это её жизнь. Ей нужно о ком-то заботиться, кого-то защищать. Понимаешь, человек? Просто нужно. Так же как тебе – дышать и есть, ей необходимы те, кого она может взять под свою опеку. Ремус младший, член стаи, ребёнок, который априори признаёт её главенство. Ты... - блондин насмешливо покосился на замершего на стуле Сэма. – Ты свой. Ты помог ей, ты принял её, когда от неё отказались другие. Ты не младший, чтобы тебя опекать, и не равный, чтобы требовать отчетов. Зато тебя можно вылизать, как неугомонного кутёнка. По-семейному. К тому же, наша слюна помогает ранам затянуться быстрее. И... - хлопнувшая дверь оборвала монолог медведя на полуслове.

Влетевшая в коридор девушка, с дико горящими глазами глухо рыкнула и стремительно сократила разделяющее их расстояние. Чтобы уткнуться носом в затылок замершего О'Рурка, сжать пальцами его плечи и резко выдохнуть:

- Не-на-ви-жу...

- Когда встреча? – блондин поставил вторую кружку на стол, с добродушной улыбкой наблюдая, как девушка восторженно повела носом.

Ухватив кружку, Реджина чуть сдвинулась. Но далеко не ушла, оставшись стоять рядом с ирландцем, прижимаясь к нему всем боком и рассеянно перебирая пальцами чужие пряди волос.

Сделав осторожный глоток, она застыла, зажмурив глаза. А затем беспомощно протянула, жалобно уставившись на сидящих на кухне мужчин:

- Завтра. Это будет завтра после восхода солнца.

Глава 17

Тихий скрип шин выдернул меня из состояния тревожной задумчивости. Резко вскинувшись, я моргнула, приподнимаясь и садясь прямо. Уставившись рассеянным взглядом на вид, открывавшийся сквозь лобовое стекло машины.

- Красиво, - тихо уронил молчавший до этого Михаил. Сильные пальцы сжали оплётку руля до скрипа натуральной, качественно выделанной кожи.

- Да, - я хрипло выдохнула, сжимая кулаки. Сдерживая рвущийся из груди глухой, злой рык.

Серая дымка утреннего тумана змеей стелилась по земле, окружая машину, завиваясь кольцами в неровном свете косых лучей солнца. Она скрадывала очертания стоящих впереди домов, скрывала небольшой деревянный указатель на обочине. И можно было подумать, что те, кто живёт в этом посёлке – сладко спят, не подозревая о нашем визите, но...

Губы растянула кривая, горькая усмешка. Они слышали. Они ждали, затаившись до поры до времени. Я могла без труда различить бьющиеся сердца, почувствовать кожей их недоумение, их недовольства присутствием чужаков на их территории. Я чувствовала, как на загривке шерсть встаёт дыбом, а желчное, ядовитое раздражение, растекается где-то в груди злым, отрывистым ворчанием.

Они ждали, давая нам право на первый шаг. А я...

Я не могла их разочаровать.

Глубоко вздохнув, я закрыла глаза, позволив животным инстинктам взять верх окончательно. Аккуратно открыв дверь джипа, я спрыгнула на землю. И медленно выпрямилась, вцепившись отросшими когтями в плетёный ремень на джинсах. Чтобы гордо вскинув голову, поведя носом и прочувствовав тот ядрёный коктейль из эмоций и чувств, что так и пёр со стороны домов оскалиться, раскатисто и звонко зарывав.

Мир дрогнул, закручиваясь вокруг нас с Михаилом, незаметной тенью вставшим за моим плечом. Испуганно закричали птицы, слетая с верхушек деревьев или стартуя с облюбованных ими низин. Мелкая живность наострив уши, предпочла скрыться в безопасности тёмной чащобы. Инстинктивно пытаюсь оказаться как можно дальше от опасности, под защитой многовековых деревьев.

- Идём? – тяжёлая рука сжала моё плечо, напоминая о том, зачем мы сюда вернулись. И коротко кивнув, я неторопливо зашагала в сторону своего дома.

На который у меня больше не было никаких прав.

Гравий тихо шуршал под ногами, нарушая тяжёлую, тягучую тишину, повисшую в прохладном, утреннем воздухе. В окнах домов, мимо которых мы шли, в административных зданиях, в магазинах – везде горел свет, но никто не спешил выходить, чтобы встретить гостей. И я кожей, всей своей сутью ощущала липкие, полные презрения и ненависти взгляды, пренебрежение и глупую, пустую гордыню за то, что они смогли избавиться от меня.

От слабого, никчёмного зверя, по ошибке зовущегося вожаком.

- Держи себя в руках, - Михаил с каким-то детским любопытством оглядывался по сторонам, мурлыкая себе под нос незатейливую, смешную песенку. От его уверенного, спокойного тона, от той ровной, расходившейся волнами звериной силы, дышать становилось чуть легче.

И я невольно поддавалась его настрою, расправив плечи и сжимая пальцы в кулаки. Чувствуя поддержку, бережно лелея тонкие нити связи между мной и оставшимся в доме Ирландца котёнком и цепко держась за веру в собственную правоту.

Пусть никому кроме меня она и не нужна была.

Наконец, тропинка свернула в сторону, ведя меня мимо небольшой детской площадки. Громкий, отчётливый металлический скрип заставил меня вздрогнуть, вскинуться, бросив на источник этого звука настороженный взгляд. И сбиться с шага, чудом удержав равновесие и готовый сорваться с губ приглушённый рык.

Хрупкая, сутулая фигурка на одной из качелей вздрогнула, но продолжила раскачиваться из стороны в сторону. Сидящая там женщина не подняла голову, прячась за гривой спутанных, тёмных волос и только тихо шептала, то плача, то смеясь, то напевая:

- Тише, малыш... Папа рядом. Папа скоро придёт... Тише, малыш... Ты же сильный, да? Ты должен быть сильным. Иначе он будет рычать. Ты ведь не хочешь, чтобы нам было больно? Тише, малыш...

Наверное, глядя на эту женщину, на члена стаи, на верзверя, беспомощного в своей болезненной слабости, я должна была испытывать жалость. Но в груди колючей змей свернулась

брезгливость, пополам с презрением и ненавистью. Потому что мне достаточно было кислого, приторного запаха гнили, исходившего от неё, чтобы понять, кто это.

- Это... - Михаил нахмурился, недовольно нахмурившись и потягивая носом.

- Катрин Джонс, - я криво усмехнулась, покачав головой и отвернувшись от детской площадки, снова зашагав к дому. Невольно зябко передёрнув плечами. – Забавно, как человеческие болячки могут проявиться у истинного верзверя. Синдром «Безумие на двоих», разделённый, выпестованный и бережно лелеемый долгие годы принял чудовищную форму в одной крепкой, любящей паре...

Это действительно было забавно. С определённой точки зрения. Но не тогда, когда я, подвывая от боли и предательства, лихорадочно искала всё, что могло бы помочь мне понять – почему? Почему они так делали? Зачем? Для чего?!

И почему никто, никто не чувствовал этого, не видел, не рассказал?!

Остановившись у начало короткой подъездной дороги к дому, я едва заметно качнула головой, уставившись пристальным взглядом на закрытую входную дверь. Прямо на ней, на широком, деревянном полотне аляповатым узором шли надписи. Повторявшие раз за разом одни и те же слова.

Предатель. Убийца. Трус. Предатель. Убийца. Трус.

- Они не хотели видеть, Редж, - глубокий, бархатный голос Михаила стряхнул с меня минутную слабость и смысл ощущение боли, сжавшее сердце. – Они закрывали глаза, покрывали их и отказывались признавать собственные ошибки. Это их выбор, малышка. А ты...

- А я сделала свой, - упрямо вскинув подбородок, я сделала ещё один глубокий вздох. После чего громко, отчётливо произнесла. – Как формальный член стаи, как формальный её вожак... Я требую собрать всех жителей резервации на совет!

- У убийц ещё есть права? Вот уж не зна-а-ал, - из-за угла дома вышел высокий, худощавый брюнет. Низко сидящие джинсы и голый торс подчёркивали его хищную, опасную грацию.

Он не шёл – скользил, цепко следя за мною взглядом. И остановился в нескольких шагах от меня, показательно слизнув с изящных, длинных пальцев капли свежей крови:

- Наконец-то вы дома... Во-о-ожа-ак.

Я заговорила одновременно с ним, с трудом подавив зарождавшийся рык и тихо откликнувшись, так и не повернув к нему головы:

- Здравствуй... Бьёрн.

Глава 18

Бьёрн Сайлок был на два года старше меня. Он был высок, жилист, полон сил и красив дикой, звериной красотой и грацией.

Это был факт, не подлежащий сомнению. Мягко ступающие, сильные лапы, острые клыки, крепкие когти, готовые разодрать противника в клочья – он был шикарен в зверином облике. И не менее опасен даже сейчас, как «обычный» человек.

И даже не думая склонить голову, хотя бы в знак вежливости, перед своим вожаком. Только скривил губы, стоя в нарочито расслабленной позе и презрительно сплюнул под ноги, процедив:

- Облезлая кошка.

- И всё ещё твой вожак, - мой голос не дрогнул, и я по праву могла этим гордиться.

Мне было больно слышать оскорбления в свой адрес от того, кто был мне ближе всех. Мне было больно видеть его откровенную брезгливость и то и дело так и норовившие ощериться клыки. Мне было больно тыкаться слепым кутёнком в пустоту, оставшуюся там, где раньше была моя стая, но...

Я тихо вздохнула, качнув головой собственным мыслям. Мне было больно. Мне будет больно. Мне больно сейчас. Но Михаил был прав: они выбрали свой путь. А я...

Я не собираюсь отступать от своего. И я дойду до конца.

- Вожак не пойдёт против своей стаи, - бета, второй по силе, второй по власти в стае расплылся в широкой ухмылке, скрестив руки на груди.

- Стая не пойдёт против своего вожака, - я едва заметно повела плечами, чувствуя нарастающее напряжение. Воздух едва ли не искрился от эмоций и чувств, закручиваясь вихрями вокруг главного дома.

- Что-то я не вижу... Твою стаю, - хмыкнув, Бьёрн расплылся в ласковой, улыбке и показательно завертел головой по сторонам, участливо поинтересовавшись. – Ну же, где твоя стая, вожак?

- Детёныш, - снисходительно прогудел за моей спиной медведь. – Самонадеянный детёныш. Глупый и слепой.

- Моя стая всегда со мной, Бьёрн, - уголки губ дрогнули, в намёке на улыбку. Наверное, ещё пару дней назад, я встала бы на защиту своего беты, я попробовала бы найти ему оправдание. Но сейчас, после всего, после ритуала, забравшего часть моей жизни буквально, я видела, что медведь прав.

Он мальчишка. Зарвавшийся, наделавший глупостей и не осознающий этого мальчишка. И я больше не буду тем, кто исправляет его ошибки.

- Моя стая всегда со мной, Бьёрн, - повторила чуть громче, позволив звериным ноткам окрасить мой тембр. – А вот кого я называю своей стаей... Это уже другой вопрос. Собери совет... Бета.

Слова прозвучали как недвусмысленный приказ. И Сайлок дёрнулся, как от удара, с не прикрытой ненавистью уставившись на меня. Шерсть на загривке стала дыбом, я кожей ощутила всю ту звериную злобу, что клокотала в молодом звере. И машинально сдвинулась в сторону, закрывая собою своего провожатого, плавно перетекая в удобную для защиты стойку.

Но Бьёрн меня удивил, сумев взять под контроль свои эмоции. Ровно настолько, чтобы подойти ко мне почти вплотную и ухватить когтями за подбородок, заставляя посмотреть в жёлтые, звериные глаза и прошипеть:

- Ты – убийца. Ты вырвала глотку нашему учителю, похитила его ребёнка и сбежала... Обвинив во всём мёртвого зверя. И ты...

- И я по-прежнему твой вожак. Формально, - мои когти впились в его шею, оставляя кровавые полосы на подёрнутой лёгким загаром коже. Под пальцами бугрились мышцы и жилы, кошка глухо рычал и сверкал на меня глазами. Вот только я была...

В своём праве. Увы, верзвери достаточно консервативны, во всём, что касается светской стороны жизни и иерархии отношений. Да, стая отвернулась от меня, да Кхатки разорвала нашу связь. Да.

Но я всё ещё их вожак. Пусть и всего лишь номинально.

- Стая соберётся через пять минут. Мы уже подготовили все необходимые документы, - ударив меня по руке, Бьёрн вывернулся из моей хватки и вытер шею, морщась от отвращения.

- Стая соберётся через полчаса. Я не подпишу никакие документы без консультации своего юриста, - смерив его безразличным взглядом, я кивнула Михаилу в сторону дома, направившись к крыльцу.

- Не советую задерживаться здесь надолго... Во-о-жа-ак, - издевательски протянул Бьёрн мне в спину. – Не все будут так любезны и терпеливы, как я.

- Поверь, бета, - покосившись на него, я криво усмехнулась, открывая дверь и пропуская своего гостя вперёд. – Мне ваша компания не менее приятна, как моя вам. Полчаса.

Шагнув через порог, я захлопнула дверь за собой. И, прислонившись спиной к ней, медленно сползла на пол, закрыв лицо руками. Плечи дрогнули, а из горла вырвался тихий, почти задушенный мявк. Я впервые за всё это время, за все свои размышления и рассуждения осознала, что всё это...

По-настоящему. На самом деле.

Глава 19

Ты должна быть сильной.

Это внушал мне отец. Раз за разом, поединок за поединком на тренировочной площадке для молодняка. Вбивал в подсознание вместе с потом, кровью и треском сломанных костей.

Ты должна быть мудрой.

Так мне говорили все мои учителя. Раз за разом, снова и снова повышая планку для будущего вожака. Литература? Юриспруденция? Политика? Экономика? Этикет? Ты должна если не знать, то понимать, если не понимать, то уметь сопоставлять и анализировать. А если и этого нет...

Что ж, ты должна хотя бы знать, у кого и что спрашивать, Реджина! Должна.

Ты должна быть милосердной.

Эта мне шептала мама, пока меня съедал жар и безумие от установленной связи со стаей. Это она повторяла каждый раз, когда я взрывалась в гнев от ошибок собственных соплеменников. Это она шептала, лёжа в реанимации, иссушённая долгой болезнью и так и не сумевшая оправиться от смерти отца.

Ты должна быть милосердной... Ты должна быть...

Ты должна!

Я медленно моргнула, отняв руки от лица и уставившись вглубь коридора невидящим взглядом. Чувствуя, как по щекам текут горячие, горькие слёзы. А в голове гулким, болезненным эхом стучат чужие слова, когда-то ставшие для меня неоспоримыми постулатами. Тяжёлыми, толстыми цепями, впившимися в кожу, оставившими следы на сердце и в душе и превратившие меня в номинальную фигуру, парадное знамя власти. И только разорвав их, избавившись от этих оков, я научилась дышать.

Я стала свободной, я повзрослела.

Появившаяся перед носом кружка с чаем заставила поморщиться от яркого, насыщенного аромата химии, с кислотным привкусом на языке. Михаил присел на корточки, протягивая мне надколотую чашку со смешным тигренком на белом, круглом боку. Огромный, пугающий своим отрешённо-спокойным лицом, блондин выглядел до отвращения чуждым в полумраке узкой прихожей этого дома.

Чуждым и единственным настоящим.

- Спасибо, - хрипло выдохнула, обхватив чашку руками и делая первый глоток. Вот так, даже не потрудившись размешать сахар, вязкими каплями стекающий по губам.

- Время, - спокойно откликнулся медведь, постучав пальцами по запястью, стянутому тонкими, кожаными ремешками. – Не стоит провоцировать этого... - тут Михаил криво усмехнулся и почти нежно, нарочито громко протянул. – Медвежо-о-онка.

- Его мать родом из Норвегии, - я хмыкнула, делая ещё один глоток чая. И без зазрения совести впитывала исходящие от старшего сородича силу, уверенность, тепло.

Чувствуя, как острые когти вины и боли разжимают свою смертельную хватку и я, наконец-то, могу снова держать себя в руках. Ровно настолько, чтобы встретиться со своей стаей в последний раз.

- Пожалуй, от её предков он не взял ничего, кроме заносчивости и непомерного самолюбия, - Михаил поднялся и протянул мне ладонь.

Такой выверенный, совершенно уместный и точно бескорыстный жест помощи приятно согрел душу. И я ни секунду не колебалась, вкладывая свои подрагивающие пальцы в широкую, горячую лапищу представителя Совета.

Легко вздёрнувшего меня на ноги так, словно я и не весила ничего ровным счётом.

- Пожалуй... - желание встать на защиту члена стаи вспыхнуло внезапно и так же внезапно исчезло, сменившись пониманием, что блондин прав. – Пожалуй, я с тобой соглашусь... И нам действительно не стоит его нервировать лишний раз. Идём.

Мой кабинет располагался на втором этаже. Чтобы дойти до него, нужно было пересечь гостиную и подняться по резной, деревянной лестнице. Простой, выученный до последней трещинки в половицах, маршрут не должен был занять много времени. И я упрямо шагала вперёд, не обращая внимания на сшибающий с ног запах пота, похоти и секса, пропитавший все вокруг.

Он был везде. Душным шлейфом тянулся по всему второму этажу, забивал нос и будоражил инстинкты. Он оставлял после себя ощущение брезгливого недоумения и презрения к тому, кто это сотворил. И переступая через обрывок простыни, валявшийся на пороге моего кабинета, я поймала себя на том, что испытываю двойкие чувства.

Я понимаю эту звериную потребность пометить свою территорию, оставить повсюду свой след, свой запах. Но это... Это...

- Омерзительно, - пробасил Михаил, ногой отпихнув останки чьего-то кружевного белья, валявшиеся посреди ковра.

- Да, - подцепив когтем кресло, придвинутое к столу, я отшвырнула его в сторону, стараясь не смотреть на белёсые потёки на чёрной коже. Испытывая непреодолимое желание достать из гаража пару канистр с бензином и спалить здесь всё к чёртовой матери.

И плевать, кто при этом пострадает.

Ежедневник нашёлся в самом нижнем ящике стола. Вместе с ключом от сейфа, пачкой смятых, залитых кофе бумаг и следами от острых когтей. Пристроив стопку макулатуры на край стола, я раскрыла записную книжку и принялась листать страницы в поисках одного единственного номера. Тут же набирая его на экране телефона и нетерпеливо постукивая ногой в ожидании ответа.

Трубку взяли после десятого гудка, когда я уже потеряла надежду на ответ. Тихий, сонный голос выдал недружелюбное бурчание, явно обозначенное как приветствие и, душераздирающе зевнув, наконец, внятно озвучил:

- Торн слушает. И я очень, просто очень надеюсь, что это звонит шикарная длинноногая блондинка, которая мне только что снилась.

Остальные причины не считаю уважительными для побудки в столь ранний час в мой законный выходной.

Глава 20

«Мы верзвери. Люди никогда не смогут понять и принять наши законы, наши повадки, наши традиции. Но это не значит, что мы не должны держать с ними связь. Люди... Они напоминают нам о нашей человечности».

Эти слова отца я запомнила слишком хорошо. Как и негласный приказ быть терпимой в отношении людей, деловых партнёров стаи или просто наёмных рабочих. В конце концов, это банальный вопрос выживания. Сколько нас, верзверей, по всему миру? Сотны тысяч, может быть две?

А людей?

Тихо фыркнула, слушая бурчание Торна в трубку. Отец был хорошим вожаком. Он прекрасно понимал, что стоит лишь высунуть нос, лишь хоть на минутку поставить под сомнения собственную лояльность, на нас начнётся охота. И будь мы хоть трижды сильнее, быстрее, обладай хоть какой регенерацией и живучестью...

Нас истребят. Стоит только дать легальный повод.

- Максимилиан, - наконец, тихо рыкнула, обрывая возмущения этого профессионального балабола. Иногда я всерьёз сомневаюсь, что он действительно успешный, уважаемый юрист и человек, способный решить любую проблему одним щелчком пальцев.

Ровно до того момента, пока не увижу его в деле.

Максимилиану Торну было почти тридцать пять. Он был высок, жилист и просто непрошибаемо оптимистичен и галантен. Настолько, что вцепиться когтями в горло хотелось после первых пяти минут знакомства. А ещё он умел быть жестким, почти жестоким, редко шёл на компромиссы и доводил дело до конца. Всегда.

Пожалуй, за это я могла простить ему способность вывести меня из себя парой острых, едких фраз.

- Я так понимаю, ты звонишь исключительно по делу... - Торн едва слышно хмыкнул. Его голос по-прежнему звучал непринуждённо и легко. – И явно по срочному.

- Да, - разгладив листы бумаги, выуженные из ящика, я бегло просмотрела пару абзацев и едва заметно поморщилась. – Мне нужен договор, Макс. О передаче прав собственности и... О закреплении

обязательств. И документы на усыновление, но это не так срочно, как первые два пункта.

С минуту в трубке царила тяжёлая, вязкая тишина. Торн о чём-то задумался, оглушительно громко щёлкая колпачком ручки. Я могла бы поклясться, что он устроился в кресле за рабочим столом и бездумно уставился на морской пейзаж, висевший прямо над входной дверью в его кабинет.

А в голове у Макса складываются и рассыпаются варианты действий, причины, что могли меня сподвигнуть на такую просьбу, и последствия оной для него самого.

- Я всё же не буду спрашивать, что случилось. Дела стаи меня не касаются... Ну, те что происходят внутри неё так точно, - мужчина заговорил снова, размеренно и спокойно. Едва заметно растягивая слова и осторожно подбирая формулировки, он продолжил. – Права распоряжаться счетами и собственностью передать не проблема. Могу выслать стандартный договор, тебе останется только указать нужные реквизиты сторон и поставить подпись. Нужно будет, правда, вывести твой вклад в трастовый фонд стаи... Этим я займусь прямо сейчас, если ты согласна. Доверенность на проведение таких операций у меня есть. А какие именно обязательства ты хочешь закрепить?

Вопрос был вполне обычным, я бы даже сказала логичным. Но почему-то вслух озвучивать собственное решение было страшно. Знаете, как будто пока ты держишь глаза закрытыми – всё хорошо, всё в порядке. Ровно до того момента, пока ты не «откроешь» глаза...

Пока ты не обличишь в слова собственное решение, разрушив привычный мир до основания.

- Я отдам им все счета, всё имущество, все земли. Кроме того, что принадлежит лично мне. И уеду. Навсегда, - сглотнув вязкую слюну, я сжала пальцы в кулак, не замечая, как когти пропороли кожу.

- Ясно, - Торн неопределённо хмыкнул, но комментировать ничего не стал. Только уточнил чуть помолчав. – А они?

- Они отказываются от каких-либо притязаний на меня и одного из детёнышей. Они не будут искать нас, - губы дёрнулись, обнажая выступающие клыки. Глубоко вздохнув, я нехотя добавила. – И я хочу, чтобы ты после подписания отправил этот договор в ближайший клан Охотников.

Макс на том конце телефона отчётливо подавился воздухом. И я понимала его реакцию, очень хорошо понимала. Охотники не были широко известны, охотники не были широко освещены и так же жили в тени, как и мы, верзвери. Времена, когда мы вырезали друг друга клан на клан тоже остались в далёком прошлом, сменившись вооружённым нейтралитетом и строгим соблюдением негласного кодекса.

В частности они очень пристально следили за отщепенцами, одиночками или изгнанниками. И в случае потенциальной угрозы, использовали все возможные средства, чтобы устранить её.

- Ты... Реджина, ты уверена? – переварив мои требования, Максимилиан, судя по звукам, налил себе любимого виски. И тут же, видимо, осушил бокал, коротко выдохнув после этого. – Такие новости на трезвую голову сложно воспринимать. Очень сложно.

- Макс? – разжав пальцы, я опустила окровавленную ладонь на стопу бумаг и смяла верхние листы, пытаюсь хоть так снять сковавшее меня напряжение.

- Сколько у меня времени? – вздохнув, Торн вновь заговорил сухо и по-деловому.

Я невольно перевела взгляд на Михаила, устроившегося на краю стола. Тот нахмурился, прикрыл глаза, беззвучно шевеля губами. После чего нахмурился и дважды показал мне пять пальцев.

- Десять минут, Макс, - я кивнула головой, благодарно улыбнувшись медведю. И криво хмыкнула, слушая цветистые ругательства юриста в ответ.

Максимилиан ругался долго. Вдохновенно. Минуты три. Но всё же буркнул «Жди» и тут же отключился. Оставляя меня один на один с собственными мыслями, тревогами, волнениями. И я присела на подоконник, считая секунды, складывала их в минуты и ждала.

А что ещё мне сейчас оставалось?

Глава 21

Десять минут тянулись как тот самый злосчастный мёд. Медленно, вязко и оставляя в горле кислый привкус фруктового чая. Я цедила провонявшую химией жидкость мелкими, осторожными глотками, то и дело, бросая тревожные взгляды на телефон. И всё равно пропустила тот момент, когда он мягко пикинул очередным оповещением.

Вздвогнув, я сжала пальцами кружку, до побелевших костяшек и тонкого, едва слышного треска лопающегося фарфора. И резко выпрямилась, свободной рукой схватив телефон с подоконника. Одним движением сняв блокировку экрана, я ткнула пальцем на иконку мобильного приложения и пролистнула рекламные рассылки и чистый спам, остановившись лишь тогда, когда наткнулась на нужное имя в списке многочисленных адресатов.

Письмо не содержало ничего. Ни приветствия, ни вопросов, ни какой-либо ещё информации. В работе Максимилиан Торн сводил ненужное общение к минимуму, предпочитая демонстрировать собственное красноречие как минимум на переговорах или в зале суда. Зато к этому пустому посланию прилагались два объёмных файла, тут же отправленные мною на печать по вай-фаю. Принтер коротко пискнул и загудел, разогреваясь, а я...

Я отложила телефон в сторону и сгорбилась, опираясь ладонями на подоконник по бокам от себя. Меня штормило. Эмоционально. От смеха до истеричных рыданий, от ярости до желания всё исправить. Физически. От слабости до кипящей, готовой выплеснуться через край энергии, от апатии и сонливости до жажды выслеживать и загонять. Яркий, горько-сладкий коктейль колючим клубком катался в душе не давай порою сделать хотя бы один вдох, но...

Сухой щелчок оповестил о том, что печать завершена. Медленно подняв голову, я уставилась на чистые, белые листы, ещё хранившие запах свежей краски. Повела носом, принюхиваясь и морщась от острого запаха чужого мускуса, забивающего ноздри. И встала, направляясь к тумбочке, отведённой под небольшое, компактное многофункциональное устройство.

Присев на край стола, я подавила приступ брезгливости и принялась читать сухие, официальные формулировки, благоразумно опустив ненужную преамбулу и пустые формальности. Меня штормило. Эмоционально, физически. Так, что хотелось обернуться зверем и спрятаться за инстинктами, повадками, звериной дикостью, но...

- Время, Реджина, - мягко напомнил мне Михаил, кивком головы указав на окно, ведущее во двор. Я подняла на него взгляд и сощурилась, прислушиваясь к гомону во дворе дома. По нервам резануло острой, ничем не прикрытой ненавистью, неприязнью,

жаждой крови. Так, что клыки царапали губу до крови, заставляя скалиться и тихо порыкивать.

Дёрнув плечом, я вновь углубилась в договоры, внимательно читая предмет оных, обязанности сторон и специально оговорённые санкции за нарушения любого из пунктов, любой из сторон. И только дочитав до конца, смогла выдохнуть. Улыбнуться чуть дрожащими губами и откинуть голову назад, позволяя разлиться по телу злобному удовлетворению и радости.

- Редж, - Михаил не давил ни капли, лишь педантично напоминал о том, что моё время здесь окончательно истекло. Наблюдая за суетившейся во дворе стаей – раздражённой, злобной, готовой броситься в атаку в любой момент, он чему-то довольно скалился, потирая сбитые костяшки пальцев.

- Да, сейчас, - тряхнув головой, я вытащила ручку и поставила размашистую подпись на последних страницах. Аккуратно сложила листы бумаги в строгую чёрную папку, найденную на сейфе, и протянула её медведю. – Подержи, нужно ещё кое-что забрать.

Свою связку с ключами я потеряла в ту ночь, когда сбежала из резервации с Ремусом на руках. Но по давно заведённой привычке, оставшейся мне в наследство от отца, дубликаты от сейфа, машины и квартиры в городе хранились здесь, в кабинете. На одной из книжных полок в огромном, старинном шкафу.

Подойдя к нему, я распахнула дверцы и бездумно провела пальцами по потёртым, тёмным корешкам. Безошибочно вытащив томик «Фауста» Гёте и раскрыла его на середине. Там, в небольшой, тщательно выдолбленной выемке, лежал запасной комплект ключей.

- Хочешь спрятать хорошо, прячь на виду, - тихо пробормотала себе под нос, подцепив когтем металлическое кольцо. Сжав его в пальцах, я с минуту постояла, наслаждаясь холодным металлом и резким запахом железа, от которого сводило клыки.

Глубоко вздохнув, подбросила ключи и, ловко поймав их, вернулась к сейфу. Забрав оттуда документы, деньги, медальон матери и альбом с семейными фотографиями, я сложила всё это в небольшой рюкзак, валявшийся за тумбочкой и, отдав его Михаилу, бросила ключи на стол, оставив себе только тот, что был от машины.

Остальные мне больше не пригодятся.

- Пора, - замаявшись, я потопталась на середине кабинета и подняла голову, глядя на спокойного, как скала, добродушно улыбающегося блондина. И медленно выдохнула, расправив плечи. Михаил, скользнув оценивающим взглядом, одобрительно кивнул и, выходя из кабинета, похлопал меня по плечу, вернув папку. Ну а я...

Я оглянулась назад, в последний раз. Глянула на крепкий, письменный стол, на незапертый сейф, ворох бумаг на полу. Повела носом, пытаюсь воскресить в памяти полустёртые, забытые и такие родные запахи, когда-то витавшие в воздухе. Но не смогла и мотнула головой, прогоняя ненужную и неуместную ностальгию.

- Пора... - снова повторила, сжимая пальцами папку.

Медленно вдохнула, медленно выдохнула. И в два шага сократила разделяющее нас с Михаилом расстояние, выходя следом за ним и закрывая за собой дверь. В кабинет и в собственную прошлую жизнь.

Губы дрогнули в намёке на улыбку, когда я обогнула блондина и медленно, величественно спустилась по лестнице вниз. Этот этап моего пути завершён, пора перевернуть страницу и жить дальше. Да, можно подумать, что я бегу от проблем. Можно решить, что я оказалась слишком слаба. Что мне не хватило воли, желания надавить, показать свою силу и власть. Клыками выдрать подчинение, сломать и подмять под себя всю стаю.

Я фыркнула, остановившись на пороге и прислушиваясь к крикам и возмущённому ропоту. От них несло злобой, завистью, ненавистью и... Страхом. Кисло-сладким, чуть терпким и скользившим едва заметным флёром в остром, истинно зверином аромате, душным покрывалом окутавшем нас.

Пальцы сжали дверную ручку, оставляя следы от когтей на мягком, непрочном металле. Да, я могла бы. Я могла бы хотя бы попытаться, я сильный, тренированный верзверь. Но настоящую, крепко сплочённую стаю страхом не удержать. Страх не станет залогом преданности и веры в тебя, страх не даст увидеть в тебе своего вожака. Он не сделает нас...

Семьёй. Той, где глотку друг за друга рвут не по приказу, а по своей воле. Где тебя примут любым, поддержат, помогут и научат всему. Мне жаль, что я осознала это только сейчас, но...

Резко распахнув дверь, я вышла из дома на крыльцо с гордо поднятой головой. У меня ещё есть шанс всё исправить, шанс

измениться. И я им обязательно воспользуюсь!

Глава 22

- Убийца...

- Тварь...

- Убийца...

- Предательница!...

- Убийца...

Шёпот. Настойчивый, дрожащий, испуганный. Он шелестел отовсюду, он звучал не прекращаясь. Заставляя дрожать пальцы, сжимавшие папку с бумагами и горбиться, в попытке спрятаться от ненавидящих, яростных взглядов. Сбежать, скрыться, куда глаза глядят, и оттереть кожу до скрипа, смывая с себя липкое ощущения гнили, пропитавшее всё вокруг.

- Убийца!

Я повела плечами, гордо задрав подбородок, и улыбнулась. Холодно, жутко, неестественно спокойно. Сделав шаг вперёд, выйдя на освещённую солнцем часть крыльца и уставившись нечитаемым, полным напускного равнодушия взглядом на столпившихся вокруг соплеменников. Пришедших в последний раз высказать своему вожаку всё, что о нём думают.

Всё, что он, по их мнению, «заслужил».

Они пришли все. От мала до велика. Старики и подростки, мужчины и женщины, по одиночке и целыми семьями. Все. Даже те люди, считанные единицы, кто прожил в резервации достаточно долго, чтобы считаться частью стаи, и слишком мало, чтобы иметь хоть какое-то право голоса. И вся эта толпа замерла в предвкушении, жадно вытягивая воздух и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Они жаждали моей крови. И считали это справедливой платой за жизнь члена стаи.

- Убийца! — отчаянный, надломленный крик. Оглушительный, хриплый рык и...

Скользкая, давящая тишина, стоило Бьёрну выйти вперёд, вскинув руку в призыве к молчанию. Я прикрыла глаза на мгновение, сжимая папку сильнее. Глупо было надеяться, что молодой, амбициозный Бьёрн Сайлок упустит свой шанс. Глупо было мечтать о том, что крепкая, давняя привязанность, почти влюблённость для него будут дороже власти и силы. Глупо.

И так непозволительно наивно, что я не выдержала, насмешливо фыркнув:

- Король умер, да здравствует король? Да, Бьёрн?

- Я – лучше, чем ты, Реджина, - Бьёрн улыбнулся, невинно пожав плечами. И мягко, почти нежно протянул, скаля клыки. – Я сильнее. Я стану настоящим вожаком, малышка Редж...

«В отличие от тебя».

Слова повисли в воздухе молчаливым укором. Он не сказал этого вслух, нет. Но в этом не было никакой необходимости. Достаточно было слышать, как одобрительно ворчит стая, как уверенно и нагло смотрят на меня знакомые, тёмные глаза. Как скалит клыки молодняк, выстроившись в атакующий полукруг вокруг своего главаря. Они напряжены и готовы сорваться в бой в любой момент. Стоит мне хотя бы шевельнуться, совершить хоть одну ошибку...

Дать им хоть какой-то повод.

Всколыхнувшаяся в груди злоба и ярость взвинтили инстинкты до предела, и я сама не заметила, как начала просчитывать удобную для нападения траекторию. Хладнокровно отмечая, кого просто покалечить, а кого убить, впиваясь клыками, когтями. Разрывая мягкую, податливую плоть и наслаждаясь солоноватым привкусом крови на языке. И плевать, что это чистое самоубийство.

Серьёзно, кого остановят такие незначительные детали, а?

Невольно сделала ещё один шаг, чуть наклонившись вперёд всем телом. И вздрогнула, услышав тихое, насмешливое ворчание за спиной, разрушившее всё напряжение момента. Михаил сделал всего один шаг в сторону, оказавшись точно за моим левым плечом, а я удивлённо моргнула, выпрямившись и осознав, что от его присутствия мне стало легче. От этого ровного, уверенного тепла, согревшего озябшие плечи. От молчаливой поддержки и понимания. С ним мне было проще.

Проще смотреть на собственную стаю, понимая, что меня провоцируют, осознанно и так открыто. Медленно вдохнув, я так же медленно выдохнула, позволив себе представить (всего на мгновение!), что было бы, пойдя я у них на поводу. И не удержалась от тихого смешка. Ведь именно этого они все ждали, именно это они предвкушали, сверля меня злобными взглядами.

Жаль, что я не хочу больше оправдывать чужие ожидания.

Вытащив ручку из кармана джинсов, я громко щёлкнула колпачком, как можно более миролюбиво заметив:

- Ты прав, Бьёрн. Для этой стаи, - растягивая гласные, я выделила интонацией слово «этой», открывая папку с договорами, - ты лучший вожак. И кто я такая... Чтобы спорить с этим? Чтобы удерживать тех, отрёкся от меня добровольно?

Мой голос не дрогнул, ни на йоту. Он звучал спокойно, уверенно и снисходительно. И я не могу объяснить даже себе, когда успела преодолеть разделяющее нас расстояние и сомкнуть пальцы с выпущенными когтями на шее застывшего от удивления Бьёрна.

Сжимая одной рукой папку и ручку, второй я давила на дёргающийся кадык, чувствуя под пальцами оглушительное биение чужого пульса, судорожное движение горла. К чести Сайлока, он не шевельнулся, глядя на меня сверху вниз, снисходительно и развязно улыбаясь. Но почему-то в глубине его глаз я видела огонёк неуверенности, чувствовала кислую нотку страха в его запахе. А стоя...

Стая рычала, фырчала, шумела. Но не рвалась вперёд, не спешила защищать своего нового вожака. Может быть потому, что в разборки альф не принято лезть простым смертным. А может быть потому, что за мной тенью, след в след, шёл спокойно, доброжелательно улыбавшийся медведь.

От его широкого оскала несло жуткой жаждой крови и жгучим азартом. И наглый, почувствовавший волю молодняк, окруживший моего бету, не рискнул на нас нападать. Хотя бы на это им хватило мозгов.

- Ты подпишешь договор, Бьёрн, - я сжала пальцы сильнее, сознательно вгоня когти в мягкую, податливую кожу. Не замечая, как его пальцы ухватили меня за воротник, подтаскивая ближе. Не обращая внимания на чужие когти, пропоровшие мне бок.

Плевать. Сдавив его горло ещё крепче, я привстала на цыпочки, заглянув в дикие от злобы и боли глаза:

- Ты подпишешь оба договора, на моих условиях. И всё это будет твоим. Ну так что? Согласен, во-о-ожак?

- Сук-хе...

- Согласен?! – я глухо рыкнула и Бьёрн дёрнулся, как от удара. Как будто я всё ещё имела над ним хоть какую-то власть и могла продавить

его волю. Как будто всё как прежде и я всё ещё его вожак.

- Согласен, - тихо просипел мужчина, отпустив ворот моей одежды и полоснув когтями по запястью, в попытке отцепить меня от себя. – Всё, что угодно. Лишь бы ты свалила отсюда.

Я разжала пальцы, позволяя ему отступить на шаг назад, судорожно хватая ртом воздух и растирая покрасневшее горло. Не глядя на Сайлока, я открыла папку с бумагами, краем глаза отметив россыпь алых пятен крови на первых листах. И протянула ему ручку, ткнув пальцем в нужный пункт договора.

Бьёрн презрительно сощурился, но взял протянутую ему ручку, собственноручно поставил точку в нашем коротком противостоянии. И дождавшись, пока я уберу всё обратно в папку, он протянул едким тоном, скрестив руки на груди:

- Ты слишком человечна, Редж. В этом твоя проблема. В привязанности чужим традициям и повадкам. Ты забыла, кто ты.

- Напротив, Бьёрн, - смерив его долгим, задумчивым взглядом я хмыкнула, отвернувшись и направившись в сторону ворот, за которыми был припаркован джип. – Я помню, кто я. Очень хорошо помню...

Я выходила из круга стаи так же, как в него вошла. Гордо подняв голову и не оглядываясь. Слыша, как следом за мной уверенно и неторопливо шагает медведь. Нас не пытались остановить или броситься следом, не пытались напасть или кричать что-то в спину. Нет, стоя шепталась, ворчала, фыркала, но смиренно оставалась рядом со своим новым вожаком.

И только пристегнув ремень безопасности, прижимая к груди сумку и документы, я позволила себе посмотреть на то место, что когда-то называла своим. Яркие солнечные лучи скользили сквозь кроны деревьев, окутывали мягким, тёплым сиянием крыши домов. Пёстрые пятна цветочных клумб приятно радовали глаз, а стоит повести носом, как можно будет уловить аромат печеных яблок и свежего, ягодного пирога.

Тихо вздохнула, глядя, как Михаил вставляет ключ в замок зажигания и звук сытого урчания мотора заглушает тяжёлую, давящую тишину, царившую вокруг. И закрыла глаза, прощаясь с этим местом раз и навсегда.

Возвращаться назад я не собиралась. Никогда.

Глава 23

- Ты действительно уверена? Не передумаешь? – Торн ещё раз пролистал лежащие на столе перед ним договоры, тактично не спрашивая про алые разводы на белых листах.

- Нет, - поставив локти на стол, я сцепила пальцы в замок и пристроила на них подбородок. Повела носом, вдыхая горьковатый запах горячего травяного отвара, тянувшийся от плиты, где колдовал хозяин дома. И покачала головой в ответ на пристальный, слишком внимательный взгляд юриста.

Тот смотрел пронизательно, чуть щурясь. И крепко держал язык за зубами, не задавая лишних вопросов и никак не комментируя происходящее. В неполные семь утра, Максимилиан Торн выглядел издевательски безупречно и деловито, когда постучался в дом егеря в самом сердце заповедника.

Особенно на фоне меня, растрёпанной и сонной. Кутавшейся в великоватую мужскую рубашку и явно берёгшей правый бок, туго перетянутый бинтами. Запах крови до сих пор раздражал слишком чувствительное обоняние.

- Понял, - чуть помедлив, мужчина кивнул головой, придя к каким-то своим выводам. Но вопросов по-прежнему не задавал, лишь убрал со стола договоры в свой портфель и хмыкнул, глядя на хмурого ирландца.

О’Рурк поставил передо мной чашку с отваром, смерив гостя недовольным взглядом. Да так и остался стоять рядом, по левую руку, невольно согревая и успокаивая своим присутствием. И мне бы задуматься над этой странной привязанностью, инстинктом собственника, стягивающим тугим узлом внутренности и заставляющим рычать на всех, кто хотя бы попытается приблизиться к тому, что я считаю своим, но...

Я повела плечами и согнула ногу, упираясь пяткой в край сиденья стула и обхватив рукой колено. Не хочу. Ни думать, ни анализировать, ни делать выводы. Всё, что мне необходимо – рядом, а остальное не имеет значения.

Уже не имеет.

- Ну что ж, договор подписан, да, - покосившись на стоящего рядом со мной Сэма, Торн аккуратно собрал бумаги в стопку и убрал их обратно в папку. Проведя рукой по тёмным, чуть выющим

волосам, он залпом допил порядком остывший кофе. – Я так понимаю, один экземпляр я отправляю в резервацию, второй положу в банковское хранилище. Что делать с копией?

- Её направь семье Богомиловых, - криво усмехнувшись в ответ на недоверчивый взгляд, я обхватила кружку подрагивающими пальцами и сделала пару торопливых, мелких глотков. Жмурясь от обжигающего тепла, согретого меня изнутри.

- Я не хочу спрашивать, но... - нервным движением вытащив пачку сигарет из кармана, Макс щёлкнул зажигалкой. Затянувшись, он выпустил кольца дыма в потолок и, помолчав, всё-таки выдал. – Я, млять, спрашиваю. Какого хрена, Редж?!

Я не вздрогнула, нет. Просто чуть сильнее сжала пальцами кружку, не замечая, как кончики когтей царапают светлый, глянцевый бок со смешным тигрёнком. И мягко переспросила, склонив голову набок:

- Какого хрена что, Макс?

- Богомиловы. Один из самых консервативных кланов Охотников во всех штатах. Эмигрировали из Болгарии ещё в бурные девяностые. Да их свои же недолюбливают и откровенно побаиваются! И ты собираешься доверить им этот договор? Серьёзно?!

- Редж... - Сэм попытался вклиниться в разговор, но я от него отмахнулась. Сделав ещё один глоток отвара, я поставила чашку на стол. Аккуратно, повернув ручкой от себя.

И медленно поднялась, тяжело опёршись ладонями на столешницу, исподлобья глядя на застывшего Торна:

- Да, Макс, именно это я и собираюсь сделать! Если ты запомнил, то я тебе подскажу. Каждый клан Охотников имеет свою, подконтрольную им территорию. И так уж совпало, что этот заповедник входит в круг интересов семьи Богомиловых. Будь они хоть трижды консервативны, эмигранты... Да хоть пришельцы с другой планеты! Это – их епархия, их территория. И ты, - тут я ткнула пальцем в притихшего Макса, - передашь им этот договор.

Пару минут мы мерялись с ним взглядами, в глупой попытке переупрямить друг друга. Наконец, Макс душераздирающе вздохнул и потёр лицо, садясь обратно на стул и признавая своё поражение:

- Ладно... Ладно! Чёрт бы тебя побрал, кошатина, - буркнув, он снова вытащил сигареты и закурил, нервно хохотнув. – Я искренне

надеюсь, что успею отдать им бумаги до того, как получу пулю в лоб. Охотники вас просто не любят, а таких как мы... Имеющих связи со стаями, презируют. И за людей считают очень условно.

- Попробуй сначала им позвонить, - хмыкнув, я тоже опустила на стул, поморщившись от ноющей боли в боку. – И если этот вопрос мы решили... Ты сделал то, что я просила?

- Да, - зажав сигарету зубами, Макс поставил на стол свой элегантный кожаный портфель. Убрав туда папку с договорами, вытащил на пухлый, белый конверт и бросил его мне. – Здесь все документы. Для тебя и для мелкого. Извини, пришлось пользоваться тем, что есть и любезным разрешением твоего бугая. Теперь ты - Реджина О'Рурк, мать-одиночка, путешествующая вдвоём со своим сыном, Ремусом. Паспорт, свидетельство о рождении, плохо проверяемая легенда – всё в комплекте и полностью легально. Думаю, господин О'Рурк не откажется подтвердить вашу недолгую, но счастливую семейную жизнь, не так ли?

В голосе Макса звучала неприкрытая насмешка. Я невольно покосилась на Сэма, молчаливой тенью продолжавшего стоять рядом со мной. Тот чему-то усмехнулся, кивнув собственным мыслям. И миролюбиво откликнулся, скрестив руки на груди:

- Не откажусь.

- Ну тогда я могу быть свободен, верно? – Торн вздохнул, затушив сигарету о пустую пачку и поднялся, прихватив портфель. Замявшись, брюнет снова зарылся пальцами в волосы и решительно обогнул стол.

Чтобы наклониться и стиснуть меня в объятиях, пока я растерянно моргала, застыв памятником самой себе. Я замерла, не зная что делать и как быть. С удивлением не ощущая привычной брезгливости и ловя себя на том, что мне... Приятно.

Приятно чувствовать чужую поддержку, осознавать, что я кому-то ещё не безразлична. И пальцы дрогнули, сжимая полы дорого пиджака, а нос сам зарылся в чужую рубашку, вдыхая пряный запах одеколона, смешанный с едва уловимым, естественным ароматом кожи. Кому-то это могло показаться странным, но...

Мы, верзвери, кинестетики. Нам важна взаимная привязанность, пусть даже такая мимолётная и больше деловая, чем дружеская. И я не могла позволить себе упустить эту возможность, возможность почувствовать себя нужной.

- Береги себя, ладно? – Макс разжал объятия и похлопал меня по плечу. – И дай знать, как устроишься, ладно? С Охотниками я все устрою.

И, не дожидаясь ответа, он ушёл, громок хлопнув дверью. Наступившую тишину нарушало лишь ровное, спокойное сердцебиение Сэма, вернувшегося к плите и принявшегося готовить завтрак с таким видом, словно он всегда это делал. Всю жизнь готовил для двух взрослых оборотней и одного детёныша.

Я невольно засмотрелась, минут пять наблюдая за его точно выверенными, аккуратными движениями. Пока не заметила его всезнающий, насмешливый взгляд, брошенный через плечо. Вот тогда-то я недовольно заворчала и фыркнула, показав другу язык. И скрылась на втором этаже до того, как он успел хоть что-то ответить. В кои-то веки, чувствуя за собой право дурачиться и вести себя как ребёнок.

Через два часа я буду далеко отсюда, на пути в новую жизнь. Через два часа я оставлю позади бывшую стаю и непосильную ношу ненужной мне власти. Через два часа я начну всё с начала и не упущу свой шанс, больше нет.

Заглянув в комнату, я подошла к кровати, на которой в позе морской звезды раскинулся спящий ребёнок. И осторожно коснулась губами его лба, проведя кончиками пальцев по нежной щеке:

- Вставай, малыш. Пора собираться.

И глядя на радостную улыбку детёныша, чувствуя его цепкую хватку, я точно знаю, что сделала всё так, как должна была. А дальше всё будет ещё лучше.

Глава 24

Два месяца спустя. Резервация стаи

Бьёрн Сайлок не считал себя трусом. У него были все задатки для хорошего вожака и отличного управленца. Но как бы ни старался харахориться бывший бета, дела в стае шли...

Отбросив в сторону бумаги, верзверь вскочил и одним слитным движением смёл всё со стола. На пол полетел ноутбук, кружка с недопитым кофе, папки сбумагами и договорами. А сам Бьёрн застыл, сгорбившись и упираясь сжатыми кулаками в столешницу. От бессильной злобы и ярости хотелось рычать и рвать в клочья любого, кто подвернётся под руку.

Это был идеальный план.

Дать наивной дурочке Редж узнать страшную тайну любимого наставника. Точно зная, что чёртово воспитание, дрессура не позволит их вожаку остаться в стороне, когда кому-то из членов стаи грозит опасность. И всё прошло так, как должно было быть.

За одним маленьким исключением.

Это был идеальный план. Вожак, убивший своего соплеменника, не может стоять во главе стаи. Её бы изгнали, а Совет получил бы сухое, обезличенное извещение о происшествии. Но маленькая, наивная Реджина не только сумела сбежать, но и первой обратиться к Совету.

Впрочем, тут Сайлок зло фыркнул, поведя плечами и выпрямившись, его это не расстроило. Он слишком хорошо знал эту девчонку: у неё нет хребта и силы воли, чтобы драться за своё. Да, она чуть не разодрала ему горло тогда, на Совете стаи...

Но Бьёрн искренне считал, что это была разовая акция. На большее маленькая, глупенькая Редж не способна. И он верил в это до тех пор, пока не понял, что карточный домик под названием «Стайная жизнь» не начал рушиться буквально на глазах.

- Тварь, - выдохнул мужчина, впиваясь когтями в твёрдое дерево, превращая его в мелкое крошево щепок. – Ты же знала, что так будет, да, малышка Редж? Знала...

Может быть, виной тому была зависть, слишком давно засевшая в нём, может что-то ещё. Но Бьёрн отчего-то был твёрдо уверен, что Реджина знала. Знала, что всё будет именно так. Знала о том, что счета начнут стремительно пустеть, а молодняк окончательно выйдет из-под контроля.

Сайлок скривился, недовольно рыкнув. Эти дебилы ради забавы загнали пару туристических групп, напугав их до усрачки. Про нападение на девушек у границы заповедника и говорить не стоит, дело с трудом удалось хоть как-то замять. И как будто этого было мало, клан Охотников, присматривающий за этой территорией, очень вежливо и ненавязчиво поинтересовался, всё ли под контролем у молодого альфы.

Слушать вкрадчивые нотки в голосе Анжея Богомилова, новоявленного главы семьи Богомиловых, было жутко. Бьёрн в этом никогда не признается, даже под страхом смерти, но шерсть на

загровке вставала дыбом от мягкой, нарочитой незаинтересованности, звучавшей в словах его собеседника.

В тот день молодняк еле собрал свои кости по тренировочной площадке. И ещё долго отлёживался по своим норам, не решаясь попадаться ему на глаза. Что, впрочем, ситуацию в целом никак не меняло. Эти идиоты были наименьшей проблемой из всех, свалившихся на его голову.

Оглушительное рычание двигателя отвлекло его от размышления и Бьёрн вскинулся, прислушиваясь к незнакомым звукам. Мягкий, зычный рокот разносился на всю округу и постепенно нарастал, пока не приблизился к дому вожака. Недоумённо потеряв подбородок, Сайлок выпрямился и подошёл к окну, пытаясь понять, кого ещё могла принести нелёгкая. Да так и застыл, сжимая зубы до хруста и ломая в руках хрупкую древесину подоконника.

Громко ревя моторами, с десятков мощных, дорогих байков вальяжно проехали через всю резервацию, лихо затормозив у подъездной дорожки к его дому. И Бьёрн не мог ошибиться, сквозь запах бензина и гари выхлопных газов отчётливо шёл душный, раздражающий аромат зверя. Сильного, холёного, уверенного в себе зверя, стянувшего шлем и смотревшего на окна его кабинет насмешливо сверкающими ярко-синими глазами.

До ядовитой, клокотавшей в груди ярости знакомыми глазами.

- Бьёрн, там... - влетевшего в кабинет парня встретил глухой, яростный рык. Пробравший до костей и заставивший сжаться, невольно пригибаясь к земле и склоняя голову. Открывая шею в демонстративном знаке подчинения. – Они...

- Проваливай! - огрызнулся Сайлок, вперившись злым взглядом в собственного подчинённого. Пропустив тот момент, когда незваные гости пересекли порог дома и поднялись на второй этаж, оказавшись прямо на пороге кабинета.

- Действительно, малыш, - мягкий, мурчащий голос кажется заполнил всё свободное пространство, вместе с его обладателем, вальяжно облокотившимся плечом на дверной косяк. – Не стоит мешать взрослым дядям решать взрослые дела. Ведь так, вож-а-ак?

Это была издёвка. Неприкрытая, брошенная с откровенной наглостью. Уязвлённое самолюбие требовало показать чужаку, кто здесь хозяин, но Бьёрн...

Промолчал. Стиснув зубы, он заставил себя улыбнуться, уверенно усевшись за стол. И предельно вежливо поинтересоваться:

- Что ты забыл на моей земле, Арт?

Стоящий в дверях мужчина лениво усмехнулся, демонстрируя выступающие острые клыки. Повёл плечами, одёрну задравшуюся косуху и неторопливо, в пару тягучих, плавных движений оказался рядом, вальяжно рассевшись в кресле для посетителей и закинув ноги в тяжёлых ботиках на стол.

- Твоя земля, пушистик? – задумчиво сощурившись, Артур Тейлор, провёл рукой по волосам, оттягивая выбеленные пряди. И залиvisto, рычаще расхохотался. – Боже, этот так мило, Сайлок... Так мило верить в то, что это всё ещё твоя земля. И так... - тут он пощёлкал пальцами, словно подбирал слов. – Наивно, что ли? Очень... Наивно.

- Я альфа этой стаи и я...

- Ты? – сняв ноги со стола, Тейлор подался вперёд, насмешливо скалясь. Его голос понизился до глубоких, вкрадчивых ноток. От которых шерсть вставала дыбом на загривке. – Вожак? Давай будем честными, Сайлок. Из тебя неплохой бета, в лучшем случае. И то, если ты докажешь, что достоин этого. Но вожак? От альфы в тебе нет ничего, кроме, пожалуй, дерьмового характера и заносчивости. И стая тебе под стать: наглый, охреневший молодняк и больные, ни к чему не годные старики. А знаешь, что самое забавное, пушистик?

Бьёрн исступленно, глухо рычал, пытаясь держать себя в руках. Но каждое слово жалило больно и точно, а эта потрясающая и совершенно ничем не прикрытая наглость чужака отключала разум и инстинкт самосохранения, вопивший, что связываться с этим себе дороже.

- И что же? – с трудом спросил Бьёрн, пытаясь совладать в клокотавшей в груди злостью. Выходило плохо. Когти методично крошили ни в чём не повинный стол, а всё тело напряглось и сжалось как пружина, готовая выстрелить в любой момент.

- Они принесут твою голову на блюдечке. Если я попрошу их об этом. Если я предложу им кое-что получше, чем сопливый, самовлюблённый мальчишка. Если я им предложу себя... В качестве вожака, - презрительно фыркнув, Арт снова откинулся на спинку кресла, снисходительно наблюдая за закипающим собеседником.

Он его провоцировал. Бьёрн это понимал, осознавал, но млять! Вспыхнувшая ярость, подпитанная уязвлённым самолюбием, навалившимися проблемами, решить которые не получалось, отключили мозг окончательно и бесповоротно. И он сорвался. Бросился вперёд, намереваясь сбить врага, вцепиться ему зубами в горло и сломать хребет. Он уже чувствовал сладкий вкус крови на языке, торжественный рык победителя, но...

Тейлор был быстрее. Сильнее и опытнее. Он был альфой. И одним неуловимым движением ударил его сначала в солнечное сплетение, сбивая дыхание и отшвыривая обратно на стол. А затем подошёл и ухватил когтями за горло, впечатывая в надсадно скрипнувшую мебель сильнее. Сдавливая трахея и перекрывая кислород.

- Мальчишка, - презрительно сплюнув, Арт с размаху приложил попытавшегося рыпнуться Сайлока головой об столешницу. – Тупой, зарвавшийся мальчишка, вот ты кто, пушистик. Хапнул кусок, которым подавился, так ведь, а? А признаться, что облажался, гордость не позволяет, да?!

- Ты... - Бьёрн попытался ударить противника когтями, но зашипел от боли, когда чужие когти пропороли рубашку, впиваясь в живот. Церемониться со своей жертвой Тейлор не собирался и насмешливо шурился, глядя на то, как Сайлок корчится от боли.

- Не бойся, пуши-и-истик, - растягивая гласные, протянул Арт. И хищно улыбнулся. – Я оставлю тебя в живых. Может быть... Если будешь правильно себя вести и честно отвечать на вопросы. Будешь ведь, пушистик?

Горло сдавило сильнее, вызывая странное чувство дежавю. Сайлок моргнул, пытаясь найти в себе силы сопротивляться, но та уверенность, та наглая и ничем не прикрытая сила, идущая от Тейлора, заставляла его подчиняться. И он кивнул, обессилено обмякнув в чужой хватке.

- Умный пушистик, - впрочем, даже при виде такой показной покорности, Артур не стал его отпускать. Так, хватку чуть ослабил. И склонился ниже, впившись пальцами в его подбородок и предельно вежливо, вкрадчиво проговорив. – Будешь и дальше таким умным... Может, и проживёшь ещё немного. А пока, пушистик, ответь мне на один вопрос...

- Кх... Ка... Какой? – с трудов выдавил из себя Бьёрн, не представляя, что могло понадобиться этому сумасшедшему барсу.

- Где та, кого вы называете Патрой?

Конец